

Молодёжные жилые комплексы СССР

18+

Валерий Закутний

Созвездие МЖК

Том 2. Ментальная проекция

Валерий Закутний

**Созвездие МЖК. Том 2.
Ментальная проекция**

«Издательские решения»

Закутний В.

Созвездие МЖК. Том 2. Ментальная проекция / В. Закутний —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга «Созвездие МЖК» представляет историю
движения молодёжных жилых комплексов СССР восьмидесятых годов
прошлого века в трёх томах. В первой части реконструируются идеи
и события, вторая (том 3) содержит документы и другие артефакты прошлого,
дополняющие повествование фактурой. Разные проекции движения МЖК
проявят объём и глубину этого социального явления. Участники движения
МЖК найдут в ней путеводитель к прошлому, практикующие социальные
работники — подсказки для сценариев будущего.

© Закутний В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 14. 1980-е. Инициативная демократия	6
МЖК на выставке	7
Закон о молодёжи	10
Общеполитическое	12
Общезмжековское	14
Вокруг конференции	19
Формула конференции	23
Глава 15. 1980-е. Демократический централизм	25
Горькие вопросы	26
Новаторские ответы	28
Формы конференций	30
Определение МЖК	32
Территория МЖК	34
Идеология МЖК	36
Средства МЖК	38
Правильный пункт	40
Глава 16. 2020-е. Программные тезисы	42
Анатомия будущего	43
Структура настоящего	46
Параметры прошлого	49
Глава 17. 1980-е. Символ веры и знания	55
Тень неформального	56
Сила ситуативного	58
Ускорение движения	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Созвездие МЖК

Том 2. Ментальная проекция

Валерий Закутний

Литературный редактор Юлия Афонасьева

Корректор Яна Паславская

Дизайнер обложки Валерий Закутний

Фото на обложке Владимир Эпштейн

© Валерий Закутний, 2026

© Валерий Закутний, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6009-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6002-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 14. 1980-е. Инициативная демократия

Второй после XX съезда ВЛКСМ Пленум ЦК комсомола начался в субботу 5 декабря 1987 года. Приглашённым эмжековцам нечего было делать на рабочих встречах членов ЦК, и они заселялись в гостиницу «Орлёнок» на следующий день.

Ляпин и Закутний договорились поселиться вместе, поэтому в холл «Орлёнка» пришли в одно время. Пока оформлялись, узнали номера Послова и Королёва и, как устроились, созвонились с ними, договорились вместе пообедать.

Валера познакомился с Ляпиным ещё в апреле 1986-го в Свердловске, куда они приехали по приглашению Королёва на седьмую отчётно-выборную конференцию МЖК «Комсомольский». После конференции хозяева предложили гостям обсудить общеэмжековские вопросы и проблемы. Все согласились, разговор был оживлённым, решено было перенести его краткое содержание на бумагу и назвать «Итоговым документом». После общения во время дебатов и кулуарных посиделок Валера и Володя стали регулярно созваниваться и подстраивать свои командировки так, чтобы встречаться лично. Первое впечатление подтвердилось, и дружеские отношения крепли.

МЖК на выставке

Вчетвером встретились буднично, будто расстались только вчера. Ничего удивительного в этом давно уже не было: частые очные встречи в течение года и регулярное общение по телефону создали физически достоверный эффект непрерывного диалога. После кратких приветствий и рукопожатий продолжили обсуждать недосказанное на предыдущей встрече.

За обедом в основном слушали Послова. ЦК комсомола в июле организовал на ВДНХ, в павильоне «Гражданское строительство и архитектура», тематическую выставку под названием «Опыт создания молодёжных жилых комплексов, МЖК-87». Сергей привёз на выставку материалы для стенда «МЖК на Горьковском автомобильном заводе» и две недели работал там консультантом. Похоже, эмоциональный заряд, полученный Серёгой в июле, ещё не был растрочен.

Сергей, как человек обстоятельный, не поленился и принёс с собой методические рекомендации «Из опыта создания МЖК Горьковского автозавода», которые издал специально для выставки, чтобы вручать посетителям своего стенда. Попали в эту категорию и друзья, с которыми он встретился за столом.

Ляпин было напомнил, что после обеда от гостиницы отправляются экскурсионные автобусы и можно посмотреть на красавицу Москву и послушать исторические байки, но прерывать общение не хотелось, потому коллективно решили продолжить слушать современные истории из города Горький.

Друзья листали брошюры и слушали.

— У меня же производственное объединение, десятки тысяч человек. Никакой МЖК с жилищной проблемой не справится. Поэтому у нас и МЖК будет, и хозспособ, и кооператив.

— А с ней нельзя справиться в принципе, — меланхолично заметил Ляпин, — она самовоспроизводится.

— Вот-вот! — отреагировал Сергей, увидев в Володе единомышленника. — На стенде все варианты были представлены, но основной материал, конечно, был об МЖК ГАЗ.

— А мы приезжали к вам на завод, изучали метод народной стройки, — заявил Женя, обращаясь к Сергею.

— Когда? — удивился тот.

— Давно. В начале восьмидесятых. Съездили сначала в Калининград, потом к вам.

— И что для себя нашли?

— Много интересного нашли, но малоприменимого в наших условиях. Автозаводской район — это же город в городе.

Сергей улыбнулся:

— Да уж, именно так! Управление ЖКХ у нас своё, вся коммуналка на заводском балансе, соцкультбыт тоже. И управление капитростроительства, и стройтрест тоже заводские.

— Насколько я понял, как у вас организовано, народная стройка в разные годы была разной. После войны заводчане строили себе жильё после работы, по выходным. Но тогда проекты были попроще, ручного труда побольше, особой строительной квалификации не требовалось. В шестидесятых уже профессионалы строили. Но рабочих рук не хватало, и нуждающихся направляли на заводской стройтрест. И они работали на том доме, где потом квартиру получают будучи. Так?

— Да, так и было! — подтвердил Сергей. — Мой отец был начальником бюро ОТК. Его направили на стройку, и был он там старшим по подъезду, в котором мы получали двухкомнатную квартиру. Помню, он рассказывал, как искал хорошие доски на пол положить, чтоб они потом не рассохлись через год.

— Поездка на ГАЗ для меня была важной, — продолжал Королёв. — Я ещё не определился, как относиться к тому, что человек на какое-то время отрывается от профессии и занимается строительством. А в Горьком убедился, что ничего страшного в этом нет. Если, конечно, ненадолго и если квартиру он для себя строит. После поездки уже увереннее отвечал, когда слышал обвинения, что МЖК хороших специалистов из промышленности забирает. Конечно, профессия профессии — рознь, и должность должности — рознь, но в МЖК идут в основном молодые специалисты. Для производства они вполне взаимозаменяемы. Вернутся через пару лет — наверстают. То есть в целом — ничего страшного! Но у конкретного человека может случиться крутой поворот... И не только в профессии, а по жизни. Вот у меня, например, — и Женя хитро посмотрел на товарищей, — или у вас.

Наступившую паузу заполнил Валера:

— В какой-то книжке про революцию читал размышления на тему, как становились профессиональными революционерами. Там проводится мысль, что на митинги ходить и их организовывать — это разный образ жизни. Второй, как правило, с семейной жизнью не совместим. Рано или поздно приходится выбирать... И жить на что-то надо, поэтому появилась партийная касса и пришлось заниматься экзами.

— Да, нам гораздо комфортнее, в подполье уходить не надо, — усмехнулся Володя. — Нас комсомол финансирует и идеи наши поддерживает...

Весёлое оживление прервало на некоторое время разговор, потом Сергей перешёл к описанию самого комплекса, и Королёв стал задавать вопросы. Это был его конёк — моделирование социальных процессов в конкретном архитектурно-планировочном ландшафте. Когда Женя видел новый проект, он первым делом оценивал ограничения для социума жилого комплекса, которые могут возникнуть из-за принятых планировочных решений. Проект каждого МЖК уникален, и Королёву было интересно обсуждать причины и следствия уникальности с руководителями. Конечно, с теми, кто дозрел до понимания, что стереометрия комплекса влияет на социальную жизнь.

— Я смотрю, вы хотите всё впихнуть в общественно-торговый центр. Тут тебе и магазины, и бытовое обслуживание, и кафе молодёжное, и клубы по интересам. А почему, кстати, молодёжное? По паспорту, что ли, пускать будете? — иронично спросил Женя.

— Да название такое просто. Надо же подчеркнуть, что это МЖК! — ответил Сергей на первую часть вопроса и перешёл ко второй. — Почему в одно место? У нас есть существующая школа, будем строить к ней общественно-спортивный комплекс. И отдельный спортивный блок МЖК.

— А под «информационным центром МЖК» что зашифровано? Оргкомитет?

— Оргкомитет, — подтвердил Сергей. — Сначала и служба заказчика там будет, а после застройки — органы самоуправления МЖК.

— Да, удобно... И власть, и основные службы обеспечения комплекса — под одной крышей. Но хорошо ли?

— Женя, а что тебя смущает? — поинтересовался Володя. — Удобно и хорошо разве не одно и то же?

— В малом интервале — да, одно и то же. А в перспективе — могут и разойтись. Вот, например, удобно ездить на машине, но если долго ездить, то ноги атрофируются. Поэтому сплошная автомобилизация — это удобно, но нехорошо.

— А американцы ездят уже какое поколение, и пока всё хорошо, — не согласился Володя.

— Ну да, ну да. Пока... — как-то задумчиво отреагировал Женя, но увести разговор в теоретическую плоскость не стал и продолжил расспрашивать Сергея о конкретике:

— А сколько у вас соревнующихся?

— Чуть больше двух тысяч, — ответил Сергей. — Под первый дом отряды уже вывели, это почти четыреста человек. Вот вернусь с Пленума, будет заселение последних подъездов.

Обеденное время давно закончилось, друзья перебрались в кофейню и продолжили разговор за кофе с сигаретой. Послов не курил, но заводская закалка позволяла ему пребывать в экстремальной атмосфере, особо не морщась.

Закон о молодёжи

Какое-то время обсуждали закон о молодёжи. На двадцатом съезде комсомола Горбачев объявил о согласии партии такой закон принять, в июне в Президиуме Верховного Совета СССР прошло совещание по подготовке проекта закона, и в середине года эта тема была модной в средствах массовой информации, но к зиме интерес к ней явно угас.

— В прошлом году в ВКШ праздновали десятилетие научно-исследовательского центра, в октябре, кажется, — проинформировал всех Королёв. — С докладом Ильинский выступал, директор центра. В докладе у него был новый термин — «молодёжная политика». Он его из Швеции привёз и убеждал, что нам такой же нужен. Умные люди поняли, что это не просто словечко! Если политика, то это прерогатива государства, а тогда комсомолу что остаётся? Да и к партии вопросы появляются. Так что борьба вокруг проекта серьёзная.

— А зачем комсомолу этот закон? И без закона на каждом съезде объявляют очередной набор на ударные стройки: десять тысяч сюда, десять тысяч туда. То БАМ, то Уренгой, то нефтехим... — высказал сомнение Послов.

— Вот-вот! Дело Троцкого живёт и процветает: он мечтал о трудовых армиях, комсомол до сих пор их формирует. Под другими лозунгами, не так массово, но принцип тот же. И партия не против, что характерно. А вообще-то, я не понял: что значит «привёз»? — Закутний обратился к Королёву. — Что, у нас не было молодёжной политики? У нас она уже семьдесят лет есть. Чуть ли не с пелёнок. Октябрята, пионеры и так далее — это не молодёжная политика? Ещё какая! Да, называется не так, как в Швеции... Или что, наша молодёжная политика — не государственная?

— Если по формальным признакам, то не государственная, — спокойно ответил Королёв. — А может, и по всем остальным.

— Если закон про политику, — меланхолично заметил Володя, — то в нём про МЖК ничего не будет. Мы политикой не занимаемся, мы дома строим. К тому же эмжековцы не совсем молодёжь. Средний возраст — плюс-минус тридцать, как раз из комсомола уходить пора. Да и не много нас, если в масштабе страны посчитать. — Он стал прикидывать: — В стране сейчас около трёхсот молодёжных комплексов. В каждом хорошо если по две тысячи соревнующихся. В среднем, конечно... Получается, что членов МЖК побольше, чем полмиллиона, но ненамного. А молодёжи до тридцати лет — 60 миллионов. Наша доля — один процент. Если с членами семей, то три процента. Вот такая статистика. — И весело заключил: — Мелковато пока для политики.

— Хорошо было раньше, — мечтательно протянул Послов, — были одни комсомолы и стилиаги. А сейчас? Рокеры, металлисты, панки, брейкеры, байкеры, битники... Кого только нет!

— Эти-то — ещё полбеды. Они просто модники и неформалы. Тихие, в общем... А вот фанаты, любера, подольские, казанские — это такие протобанды. И эволюционируют в эту сторону. Так мне кажется... — высказал предположение Закутний.

— И вообще, чего можно ждать от закона, который старики пишут? У них в молодости что было? — задал вопрос Володя и сам же ответил на него строками из революционных песен: — «И на Тихом океане свой закончили поход» или «...чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Примерно про это и закон будет. А что они ещё могут написать? Только то, что было в их опыте, что они понимают. Или ещё хуже: за границей увидели. Как этот твой директор центра, — кивнул головой Ляпин Королёву и перешёл на поморский говор: — И начнём чужие парики носить, как при ампираторе Петре.

Королёв внимательно слушал эти разнородные реплики, но на «стариков» решил отреагировать.

— Не скажи! Проект закона НИЦ и готовит, а там много молодых работает, — возразил Женя.

— Может, и молодые готовят проект, но закон принимать будут другие, которые постарше. Посмотрим, — ответил возражением на возражение Володя.

— Старые, молодые... Давайте посмотрим с другой стороны. — Женя прищурился, как он всегда делал, желая озадачить собеседника, и посмотрел на друзей — В МЖК за жену может соревноваться муж, а за мужа — жена. Если не быть формалистом, то членство в МЖК — семейное. Будем считать, что членов ВЛКСМ сорок миллионов, допустим, семейных — треть, допустим, в части семей несколько комсомольцев. Это ж что получается? Комсомол объединяет минимум десять миллионов советских семей. Возраст, когда человек ежедневно делает важнейшее для жизни дело — создаёт и укрепляет семью, полностью принадлежит комсомолу. А в комсомольском уставе есть только пара слов о взаимном уважении в семье и заботе о воспитании детей. Как же так?! Вы мне скажите, почему в уставах комсомола и партии нет развёрнутой главы про семью?

— А я вот спросить хочу, крестьяне-то в Гранаде есть? — поинтересовался Сергей, вернув всех от прозы жизни к поэзии. — И что, они просили помочь с землёй или это наша инициатива? Или эта песня вообще не про Испанию? — Все замолчали. Похоже, осознание фонетического различия между Гренадой и Гранадой произошло у всех впервые и одновременно, и все переместились из поэтического измерения в географическую и политическую реальность. Внутри песни такая тонкость была незаметна, особенно если песня — у костра или за столом. Володино декламирование её выявило, и Сергей не удержался от вопроса.

— Сергей, ты умеешь задавать вопросы! Так бы и дальше пели, не понимая, про что! — весело сказал Ляпин.

— Да, он такой, — улыбнулся Валера, — если вцепится в тему, то будет её теребить со всех сторон. Серёге лучше сразу всё рассказать, иначе он не отстанет.

Эту черту своего товарища, которая часто проявлялась на совещаниях, знали все, и потому дружно посмеялись.

Общеполитическое

Само собой, разговор переместился из Испании в Афганистан. Военно-техническая помощь правительству этой страны уже очевидно вышла за эти рамки и приближалась к геостратегическому тупику. Но интернационалистские рефлексy ещё давали о себе знать, и диспут о диалектике пользы и вреда от помощи всем, кто просит или даже не просит её, в целом свёлся к тому, что помогать надо.

Порасспрашивали Сергея об Андрее Сахарове. Прошёл год, как Горбачёв разрешил известному академику вернуться из горьковской ссылки, куда тот отправился в восьмидесятом за протест против ввода войск в Афганистан. Но Сергей почти ничего не добавил к тому, что было всем известно из газет.

— Сахаров и Руст в этом деле — союзники Горбачёва, — высказал мнение Королёв, и, видя недоумённые взгляды, пояснил: — В руководстве много народу за продолжение Афгана. Если без иллюзий, то война — это большие деньги. А потом уж война. Сторонникам продолжения нужно противопоставить другую силу, по большому счёту, неважно, какую. Сахаров потребовал выпустить диссидентов, и у Михал Сергеича появился аргумент, чтоб запустить процесс. А несогласные — они активные.

— Ага, — усмехнулся Володя, — особенно по весне, конституция у них такая. Вон как общественная жизнь сразу оживилась. В этом году косяком пошли собрания, форумы, демонстрации.

— А у Руста другая задача. Немец арендовал самолёт и махнул в Москву, приземлился на Красной площади, да ещё в День пограничника!

— Что-то много случайностей, а? И людей не было на Васильевском спуске, и длина рулёжной дорожки прямо под Сессну оказалась. С учётом угла наклона, между прочим, — с сомнением в голосе проговорил Валера.

— Понятно, что это поддавки в политической игре, — усмехнулся Женя, — чтобы дать повод Михаилу Сергеевичу многих вояк отправить на пенсию. Кстати, заметили, что в последние годы активно обновляются партийные кадры? Об этом не говорят, но процессы идут. Кадры решают всё, как говорил Иосиф Виссарионович.

Послов усмотрел в этом громком происшествии бытовую сторону:

— А вот из нас никто бы не смог приземлиться под Эйфелевой башней, потому что вот так запросто, как Руст, мы не можем самолёт взять. А там простой парень арендовал самолёт и полетел, куда захотел! Оказывается, есть страны, где это возможно. А почему у нас невозможно, почему надо самолёты захватывать? И пресса молчит, но слухи-то идут, каждый год несколько попыток угона.

— По моим данным, — улыбнулся Ляпин, — в этом году два угона. Писали о том, который не удался. Нельзя было не писать, самолёт-то рейсовый, свидетелей много. А об успешном угоне в Швецию, по-моему, информации не было нигде, кроме ОБС.

— Это — «одна бабка сказала»? — уточнил Сергей.

— Да, Сергей. Только их уже не одна, их много, — ещё шире улыбнулся Володя. — Можно сказать, что МБС.

Воцарилось непродолжительное молчание после чего Королёв продолжил перечисление необъяснимых явлений повседневной жизни.

— Как осень, так битва за урожай, а с продуктами всё хуже. С пьянством боремся семимильными шагами, но пьяных всё больше. Политико-воспитательная работа на недостижимой высоте, а молодёжь валом идёт не в комсомол, а от него подальше. Оно и понятно. Вокруг столько интересного, а там надо сидеть на комсомольских собраниях и классиков изучать.

— Да ладно бы самих классиков, а то ведь, если разобраться, изучаем чьё-то мнение о том, что классики писали, — поддержал Женю Валера. — А оно жёванное-пережёванное, но железобетонное. Я давно уже неудержимо засыпаю на партийных собраниях. То ли дело наши заседания оргкомитета! Просто праздник извилин! Никаких авторитетных мнений, только аргументация и логика. Убедил? Делай! Получилось? Хорошо! Не получилось — начинаем сначала. Ищем, что в аргументации пропущено.

— Вот-вот! И наш оргкомитет так же работал, и в Калининграде у ребят такая же атмосфера, — продолжил свои рассуждения Женя. — Современной молодёжи самостоятельность нужна и самодеятельность. Как и нам в их возрасте. Когда мы шли в комсомол, то находили там эту самостоятельность, а сейчас её нет. Куда делась — непонятно, но нету. — Он для убедительности развёл руками. — А мы повзрослели, семейными стали, нам квартиры понадобились, а этого направления работы в комсомоле нет и не было, это по линии профсоюзов. Но там нашему возрасту квартира тоже не светит, профсоюз распределяет среди тех, кто уже к пенсии готовится. Поэтому нам приходится оставаться в комсомоле и заставлять его включать в свои планы заботу о жилье для молодёжи.

— И процесс уже идёт, — сказал Ляпин, улынувшись. — Если проследить по формулировкам пленумов и съездов с 1980 года, то видно, что комсомол всё плотнее занимается МЖК.

— Да. На поверхности именно это видно! А если копнуть? — снова растопырил пальцы Королёв. — Резолюции не сами появляются, их кто-то готовит. Так вот, всё, что написано про МЖК, написано нами же. Сначала калининградцами, потом и наш оргкомитет, как образовался, сразу подключился. Непростое это дело, я скажу, — убеждать чиновников, которые готовят документы. У них уже все формулировки накатаны-притёрты, и новому слову там просто места нет. Раздвинуть старые слова, чтобы вставить новые, — это же напрягать мозги надо! Менять склонения, падежи согласовывать, я уж про смыслы и не говорю. А кому это захочется делать, пока нет крайней необходимости?

Женя помолчал.

— В позапрошлом году легче стало бороться за формулировки, потому что эмжековцев много появилось в разных городах, пошли резолюции с мест, с этим приходится считаться здесь, в Москве. Так что, Володя, — сказал Королёв, обращаясь тем не менее ко всем, — я хочу сказать, что комсомольские резолюции про МЖК пишет всё-таки не комсомол, а мы же.

— Я вот тоже участвую в составлении резолюций про МЖК. А зарплату в обкоме комсомола получаю. У меня должность — начальник штаба областной ударной стройки «Строительство объектов жилья и соцкультбыта». Да и у Володи такая же запись в трудовой, правильно я говорю? — Закутний обратился к Володе, и тот кивнул.

Общеэмжековское

— Я вам больше скажу, — заулыбался Женя. — Мне Синица рассказывал, что идея МЖК родилась вообще на комсомольской свадьбе. Станислав с Юрой Шишкиным были у друзей с ЦНИИмаша. Познакомились там с Борисом Пастуховым. Он тогда вторым секретарём ЦК комсомола был. Вышли покурить, разговорились, пожаловались на отсутствие жилья. И услышали в ответ: «Так постройте, парни! Если нет, то сделайте, чтоб было!» Может, потому что в курилке слова эти были сказаны, да ещё после тостов, но идея осозналась, по рассказам Стаса, как вполне реализуемая: «А действительно! В чём проблема?» Слово за слово, договорились о деловой встрече... И уже в разговорах в ЦК появились формулировки: «идейная новизна», «общественная полезность», «социальный эксперимент». Пастухов обещал поддержку ЦК, если МЖК будет соответствовать этим принципам, и обе стороны слово своё сдержали.

Королёвский экскурс получился интересным, некоторое время все молчали, потом Валера нарушил паузу:

— Прошло пятнадцать лет. Тот свадебный разговор продолжается и, как говорится, ширится. И уже не только в верхних слоях комсомола, а в масштабах страны.

— Валера, подожди! — сказал Володя. — Женя, закончи мысль. Кажется, ты не всё сказал.

— И в рабочем отделе ЦК толковые ребята собрались: Бабкин, Силантьев, Зубов, Дмитриев. Они за МЖК агитируют получше, чем некоторые эмжековцы, — несколько нелогично ответил Женя, переплёл пальцы, замкнув руки в кольцо, и замолчал.

Все ждали. Через некоторое время Королёв расцепил ладони, расслабил их и оглядел собеседников.

— Я сам — член свердловского обкома, завтра будет голосование за кооптацию меня в члены центрального комитета. Это одна жизнь. И есть другая... В МЖК приходят многие, но остаются не все... — сказал он задумчиво, затем продолжил более решительно: — Далеко не все. МЖК как-то отбирает людей. Меня вот отобрал, вас, Синицу того же... Да, мы комсомольцы, даже члены партии некоторые, но мы — самоотобранные по какому-то критерию, которого нет в комсомоле, да и в партии нет. Вот и получается, что МЖК — это не дело комсомола, а наше дело, хоть мы и комсомольцы. И формулировка «комсомол стал плотнее заниматься МЖК» уже становится не столь очевидной.

— Замысловато, — протянул Ляпин и добавил: — Но очень похоже на то, о чём и я думаю.

Закутний вспомнил некоторые нестыковки, которые остались в памяти после изучения истории КПСС.

— Должен вам сказать, друзья, что кооптация — это такой странный порядок, вроде как неправильный или даже незаконный, но постоянно используемый, особенно в периоды активной политической жизни. Сталин стал членом ЦК РСДРП, между прочим, тоже путём кооптации. В тыща девятьсот двенадцатом году. По инициативе Ленина, кстати. Так что, мы сейчас в такой же эпохе живём, что ли?

Сергей, почти не участвовавший в последней части разговора, кашлянул, чтобы размять речевой аппарат, и выдал:

— А мне — проще! Администрация приказала: «Возглавь!» — и я взял под козырёк. АвтоГАЗ — это город в городе. У нас по территории рейсовые автобусы ходят. Не набегаешься из цеха в цех.

— Как в армии, помню. И никаких тебе мыслей, — шутливым тоном сказал Закутний.

— Почему же никаких? — возразил Сергей. — Были мысли. Молодёжи на заводе полно. Им жилье край как нужно. И я за это дело отвечаю! Доверили сверху, доверились снизу — посередине я и живу, — и после краткой паузы завершил: — Вот такие простые мысли.

— Извини, Сергей, это я так брякнул, не подумав, — извинился Закутний.

Сергей кивнул. Королёв улыбнулся.

— Да, если разобраться, то всё, связанное с МЖК, действительно просто: крыша над головой, быт, дети и общение, — сказал он и продолжил более официальным тоном: — У нас, товарищи, ответственная задача на вечер: обсуждение изменений в Положение об МЖК. Пройдёмся по последней редакции. Она в раздаточном материале есть, вы её почитайте. Будет рассматриваться в январе на заседании бюро ЦК. Ещё есть возможность поправить, если что. Не против? Обсудим? — спросил всех Женя и, собрав заинтересованные взгляды, резюмировал: — Хорошо!

Ляпин подвёл черту под деловой частью встречи.

— Ребята, а мы с Милюковым недавно слушали Окуджаву, — сообщил он. — Это не концерт был, а так, на квартире, для своих. А Юра... Вы же его знаете, он везде свой.

Другие порасспрашивали, позавидовали. Потом поговорили о рок-группах. В этом году прошло несколько рок-фестивалей в разных городах, и названия многих групп так или иначе стали известны не только любителям рока.

— Завтра у нас, друзья, пленарное заседание, доклад Мироненко, а в «Лужниках» московский рок-фестиваль открывается, — мечтательно сказал Ляпин. — Рок-лаборатория организовала. Естественно, ещё горком, горисполком, профсоюз, — после чего встрепенулся: — Это к вопросу о том, что такое МЖК — комсомол или не комсомол? Вот и про русский рок так же вопрос можно поставить. Это ведь «Лужники»! Хоть и малая арена, но всё равно — шесть тысяч зрителей! Какие ж верхи должны быть уже за, чтобы «Лужники» предоставить!

Королёв напомнил про концерт группы «Чайф» в Доме культуры своего МЖК и про эмжековца Владимира Шахрина. Закутний рассказал про «Калинов Мост», рождённый на радиотехническом факультете НЭТИ, упомянул апрельский рок-фестиваль в Новосибирске в ДК имени Чкалова, недалеко от которого находится дом районных властей и кабинет оргкомитета. На самом фестивале он не был, поэтому на вопросы Ляпина по поводу Егора Летова и проекта «Адольф Гитлер» смог ответить только в объёме пересказа про физическое отключение аппаратуры после песни «Страна дураков». Чтобы представить новосибирские новости в более солидном виде, Валера сообщил о планах оргкомитета назвать одну из улиц своего комплекса именем Высоцкого.

— Зампред горисполкома не против, обещал поддержать и посоветовал эту тему продвигать осторожно. У нас пресс-центр этим вопросом занимается, Нина Кривулина. Она умница. Хорошо выстроила аргументацию.

— Расскажи, — попросил Королёв. — В нашем совете такое желание тоже есть, но у нас все улицы уже названы. Придётся переименовывать, а это сложнее.

— Да, у нас были только строительные обозначения. Наименование улиц рассматривается на комиссии Горсовета, и наши две улицы рассматривались на летнем заседании. А где-то за год до этого появились наконец публикации о Владимире Семёновиче в центральной прессе. И у нас пошли статьи. Оказывается, Высоцкие жили и работали в Новосибирске некоторое время и уехали в Москву, когда мать Володи была на последнем месяце беременности. Мы конкурс объявили по предприятиям-дольщикам. Поступила почти сотня предложений, в том числе несколько — назвать в честь Высоцкого. По итогам конкурса было решение оргкомитета.

— Получается, наш народный певец родом из Новосибирска! — не выдержал Послов. — Что там — последний месяц! Не знал...

— И я этого не знал, пока Нина не просветила. И члены комиссии не все знали. У Нины было несколько доводов: «Высоцкого все знают и слушают, и это факт. Центральная пресса

уже о нём пишет. Высоцкий — всенародный поэт и певец. И он фактически рождён в Новосибирске. А наш город — инициатор многих прекрасных дел и молодёжных начинаний. И, по мнению эмжековцев МЖК-1 города Новосибирска, подтверждением этой традиции станет улица имени Высоцкого в их комплексе. Вот, товарищи, решение оргкомитета по итогам конкурса, проведённого на предприятиях-дольщиках».

— Да, от такого так просто не отмахнёшься. И что, комиссия приняла аргументы?

— Первая реакция после выступления Нины была вполне лояльной, но встала дама из старых партийцев и закатила речь, что нельзя называть улицы в честь антисоциальных элементов. Поэтому комиссия мудро приняла одно название — Лазурная, а вторую улицу оставила пока неназванной. У нас появилось время, и мы не сидим сложа руки. Нина агитационную кампанию организовала в прессе. Мы своего добьёмся. И памятная доска будет на доме.

— «Пусть жираф был неправ, но виновен не жираф, а тот, кто крикнул из ветвей: „Жираф большой, ему видней“», — прокомментировал Валерин рассказ Володя.

Некоторое время ещё обсуждали творчество Высоцкого и цитировали строки из известных песен, потом Володя предложил новую тему.

— Да, Женя, кстати, про неформалов, — обратился он к Жене. — Как дела у твоего друга, Гены Алференко? Я в конце лета читал, что образован Фонд социальных изобретений. Про него разговор был в программе «12-й этаж».

— Недавно заходил к нему в Фонд, но толком не поговорили: он в Америку собирался, — начал было Женя, но перебил сам себя. — А вы знаете, какое минимальное расстояние между Америкой и СССР? — спросил он неожиданно.

— Ширина Берингова пролива — восемьдесят километров, — выдал справку Послов. — Примерно.

— Пролив — да, но граница — посередине, а там острова есть, и между нашим и американским — четыре километра. Вот в том месте «сегодня» и «завтра» встречаются. Ну или расстанутся.

— Да, не знал, — признался Ляпин за всех. — А социальные изобретения тут при чём? — напомнил он начало разговора.

— А вот представьте, живёт себе семья эскимосов — часть на Чукотке, часть на Аляске. На байдаре в хорошую погоду восемьдесят километров — не расстояние. Если что, переждать непогоду можно и посередине. Но такая поездка к родственникам будет нарушением государственной границы, — разведя руки в стороны и растопырив сильные пальцы, воскликнул Королёв. — Какой границы? Она ведь только в головах! А эскимосы в тех краях жили всегда и про границы узнали только тогда, когда пришёл «Начальник Чукотки». Смотрели кино с таким названием? Классный фильм, кстати... В нём все эти нелогичности хорошо показаны, — слегка отвлёкся Женя, но тут же вернулся к теме: — И Гена говорит мне: «Представляешь, Женя, им, чтобы повидаться с родственниками по закону, надо визы в Москве получить и из „Шереметьево“ облететь весь глобус! 40 тысяч вместо восьмидесяти километров. Это же не закон, а шизофрения в особо тяжёлой форме. Явная ненормальность порядка». Так он мне на вопрос отвечал, зачем он занимается безвизом для коренных жителей Чукотки и Аляски.

— Какое же это социальное изобретение? Это здравый смысл, — возразил Закутний.

— Эх, Валера, так большинство социальных изобретений, которые мы на телепередаче «12-й этаж» обсуждали, как раз и состоят в восстановлении здравого смысла в человеческом общежитии. И чем больше здравого смысла будет в стране, тем счастливее станут наши люди.

— Хорошая задача, — отреагировал Валера. — Про страну не знаю, но, если мы хоть что-то сможем сделать в наших МЖК, уже будет хорошо.

— И ты к Алференко за социальными изобретениями приходил? Чтоб отсыпал по дружбе? — спросил Сергей, и все рассмеялись.

— А что вы смеётесь? Именно! Понятие «социальное изобретение» прижилось, в нём есть содержание. Изобретение — это же то, чего не было. МЖК тоже социальное изобретение. Кстати, тема «социальное изобретение» попала на глаза Горбачёву — или Раисе Максимовне, там у них не разобрать, — и с его подачи Гена занялся в восемьдесят пятом году организацией фонда и создал его при «Комсомольской правде». Граждане завалили фонд письмами, проектами. Гена сказал, что уже более тридцати тысяч предложений поступило. Их вносят в компьютер, чтобы с этим материалом работать как с базой данных. Приглашал приходить попозже, когда база появится. Он не против, мы, конечно, можем смотреть и сами материалы, но кто из нас этим будет заниматься? — вопросительно посмотрел на товарищей Королёв.

Все стали смотреть друг на друга, и Закутний резюмировал:

— Из нас — никто. Но такая информация была бы интересна, конечно. Особенно нашим социальным работникам. МЖК же, по сути, такое социальное изобретение, которое не может не вбирать в себя другие социальные изобретения... Эдакая матрёшка.

— Скорее, фрактал. Это я тебе как физик-теоретик говорю. Самоподобная фигура, — предложил свою интерпретацию Женья.

— Пусть будет фрактал. Но я мысль закончу. Наверняка граждане со своими предложениями, которые они послали в фонд, обращались раньше в другие инстанции. Если бы они нашли там понимание, то в фонд бы не писали. Допустим, Алференко соберёт в кучку, пардон, в базу данных то, что власть проигнорировала, и что? — задал Закутний вопрос всем. — Будет писать в те же инстанции? А в чём разница? От «Комсомолки» весомее, чем от гражданина? Вряд ли. Как бы не наоборот... Помните, на каком-то «12-м этаже» ведущие говорили, что после предыдущей передачи отношения новаторов с чиновниками на местном уровне стали гораздо хуже? Кира Прошутинская ещё сокрушалась. А что ещё она может делать? Поэтому вопрос внедрения социальных изобретений, похоже, более важный, чем их сбор.

— Да, это проблема. Серьёзная проблема. И надо обсуждать, как её решать, — произнёс Королёв, и глаза у него загорелись.

Похоже, эта тема его тоже волновала.

Но у Ляпина, как у меломана, были другие виды:

— Так, друзья, хватит беседы беседовать, — заявил он, посмотрев на часы. — Сейчас семь вечера. Экскурсию мы проигнорировали, но совсем без культурной программы нельзя. Через полчаса концерт начинается, пошли в зал, артисты заждались, комсомольцев требуют.

Его лицо расплылось в улыбке.

— Хорошо, идём-идём, — сказал Королёв, — но после собираемся, как договорились. У нас есть что обсудить.

Все поднялись и направились в зал.

Деятели культуры представили комсомольскому активу современные достижения электронной музыки и вокальные старания под минусовку. Номера сопровождались краткими пояснениями технического характера. Комсомольско-молодёжной тематики в вокально-инструментальных инсталляциях не было и в помине. Возникло ощущение контакта с инопланетным разумом, причём на его территории. Удобные диваны обволакивали тело, музыка ни о чём стреножила волю.

Когда концерт закончился и все потянулись к выходу из зала, Королёв спросил Ляпина:

— У вас кофе-то есть?

— Есть-есть, — успокоил его Володя.

— Тогда пошли все в ваш номер, а то в кафе сейчас будет очередь, стоять не хочется, — определился Женья. — Но я сначала зайду к себе, надо бумаги взять, чтоб проговорить по ним.

— И я тоже к себе забегу, переоденусь, — сказал Сергей. — Знаю я вас, это надолго...

Закутний с Володей тоже успели переодеться. Когда все собрались в номере, Валера достал походный кипятильник, налил воду в четыре стакана и поочерёдно нагрел. Володя достал банку с растворимым кофе.

— Вот сразу видно ребят из районов с экстремальными условиями жизни: всё у них с собой! — пошутил Женя, кивая в нашу сторону. — И кипятильничек какой удобный.

— У Закутного не только кипятильничек есть! Я по секрету скажу, что у него ещё есть маленькая обувная щётка! — рассмеялся Ляпин.

Валера вспомнил Володин взгляд, когда после обустройства в номере он стал приводить в порядок обувь и поинтересовался, нужна ли соседу щётка. Женя и Сергей стали смотреть на Валеру, ожидая пояснений.

— Это у меня в генах, — сказал он. — В социальных генах. Мой отец — военный, подполковник, уже в отставке, конечно. Сколько я себя помню, первым делом, когда приходил со службы, он занимался сапогами, чтобы они были готовы к выходу в любой момент. И были случаи, когда чуть ли не вслед за ним приходил вестовой с приказом явиться в расположение части. Отец наматывал свежие портянки и натягивал сапоги. А они уже начищенные и даже слегка простывшие внутри. Всё по солдатской науке. «Держи ноги в тепле, а голову в холоде», — так Суворов говорил.

Закутний раздавал стаканы с кипятком, кофе каждый добавлял самостоятельно.

Вокруг конференции

Королёв положил на подоконник папку с бумагами, вытащил из неё один лист и начал:

— Мы с Синицей согласовали с ребятами из рабочего отдела ЦК вот такую формулировку в постановление Пленума: «Развивать и совершенствовать движение молодёжных жилых комплексов, добиваться принятия региональных программ развития МЖК, выделения целевых средств, в том числе заработанных самой молодёжью. Поддержать практику проведения на базе МЖК экспериментов по совершенствованию социалистического образа жизни. Разрабатывать по каждому молодёжному жилому комплексу социальные программы. Комитетам комсомола способствовать наращиванию мощностей стройиндустрии, созданию строительных организаций „МЖКстрой“. Провести в 1988 году Всесоюзную конференцию организаторов МЖК».

— Хорошая формулировка! И что тут обсуждать? — спросил Ляпин. — Можно было написать «социально-экономические программы», но для начала и так пойдёт. Главное слово — «эксперимент» — присутствует. Слово «конференция», как я понимаю, для обоснования будущих затрат.

— Правильно понимаешь! Если это предложение из итогового текста не выкинут, эмжековская конференция пройдёт за комсомольские деньги. Это единственный вариант её провести, потому что у нас необходимых денег просто нет, — сказал Королёв.

— Ну, скажешь! Да найдём мы деньги, чтобы разок-то собраться со всей страны. Дольщики дадут! — возразил Послов.

— И я так же считаю! — поддержал его Ляпин. — Но ты хотел что-то обсудить, Женя? — напомнил Володя. — А что обсуждать-то? Вроде всё нормально написано в резолюции...

— Конференцию надо обсудить! — с некоторым нетерпением сказал Женя.

Он принял свою любимую позу: сел на пол, упёрся спиной в стену, локти поставил на колени и развёл руки с растопыренными пальцами.

— Как мы себе её представляем, конференцию нашу? — обратился он ко всем.

— А какие проблемы? — искренне удивился Послов. — Определим вопросы, соберёмся, порешаем, выберем достойных в органы управления.

— А чем они будут управлять, эти выбранные органы, Сергей? Нами лично? Или нашими МЖК? Ты готов отдать свой МЖК какому-то органу? Ладно ещё, если тебя в него выберут, а если нет? — окинув всех пронзительным взглядом, спросил Королёв.

Вопрос был простым и никакого подтекста не содержал. Но Королёв его задал так, что он проник глубоко. В его простоте содержался ужас добровольно принятой несвободы. Присутствующие всей кожей почувствовали движение воздуха от мимолётного взмаха этой сущности. Микрооцепнение возникло и прошло, Королёв посмотрел на Сергея, потом на остальных и продолжил, обращаясь ко всем:

— Вот Сергей сказал: «Определим вопросы и порешаем». Но в деле создания МЖК вопросов сотни, если не тысячи. Вот, например, архитектурные решения. Какие будут оптимальными для коллектива по месту жительства? Это вопрос, которым никто никогда не занимался. Да, есть дома—коммуны, но они строились преимущественно для партийной элиты, чтобы она жила вместе, чтобы её можно было контролировать и, в случае чего, не бегать за каждым, а всех заставить в одном месте. Или вот, вопросы соцсоревнования. Что такое социалистическое соревнование, более-менее известно для производственных условий. Мы знаем про шахтёра Стаханова. Знаем, что он молодец! Но чтоб он стал молодцом, оказывается, к нему приставили десяток откатчиков, подавальщиков и прочих помощников. Но об этом не писали.

— Столько в забое не поместится, — с сомнением сказал Володя.

— Возможно, — поморщился Королёв. — Возможно, их было меньше, но они были. Но также возможно, что их было больше. У нас нет об этом достоверных данных. Мы знаем, что они были и что Стаханову отдали всё увеличение выработки, о котором трубили в газетах. А если бы разделили на всех причастных, и цифра была бы другой.

— Это верно, — согласился Володя.

«Он морщится всегда, когда говорит в группе, а с ним кто-то один спорит, — увидев реакцию Королёва, подумал Закутний, — но один на один, наоборот, он только радуется спору. Я б тоже морщился. Когда нескольким людям стремишься что-то донести, индивидуальные выкрики просто ранят. Но, с другой стороны, может, человек задаёт вопрос, потому что понять хочет?»

— Так вот, из-за этой политической показухи мы толком не знаем, сколько ещё народу участвовало в техпроцессе, и не можем составить реальную технологическую карту. А как совершенствовать организацию труда, если нет достоверной информации? — Королёв встал, чтобы достать новую сигарету. — У капиталистов она есть, а у нас нет! А как на вранье социализм строить? Никак! Вот мы его и не строим, причём давно, с Хрущёва примерно... А что вырастет из наших детей, у которых в голове картина, где мир состоит только из Стахановых? И что с ними станет, когда они придут во взрослую жизнь, где должны быть одни Стахановы, а там ни одного нет?

— Извините, перебую, а то забуду, — вставил Валера. — Есть ещё один нюанс в этой ситуации. Стаханову отдали результат труда многих, и мы его славим. И капиталист присваивает себе результат труда многих, но капиталиста мы не любим. А в чём разница? Не вижу разницы! Система, что та, что другая, отбирает результаты труда у многих и передаёт их одному. Ой, что я сказал!

Мысль про отсутствие разницы, хоть и логически непротиворечивая, была почти крамольной. Все засмеялись. Откровенные разговоры в эмжековских компаниях были естественной нормой, потому что невозможно разобраться в новом и неизвестном, не называя вещи своими именами.

— «Удивительное рядом, но оно запрещено», — резюмировал Володя словами из песни Высоцкого про психбольницу.

После небольшой разрядки Валера продолжил тему.

— Женя правильно задаёт вопросы, — обратился он ко всем. — То, что приписали одному труд многих, несправедливо. Ещё хуже, что неполная информация считается нормой. Причём неполнота эта бывает хуже дезинформации. А ведь есть мировоззренческие последствия такого подлога, и они вообще катастрофические. Могу на своём примере пояснить.

— Валяй, это интересно, когда про себя, — выразил общее мнение Ляпин.

— Мой отец до того, как стать танкистом в армии, работал трактористом в колхозе. С семнадцати лет, кстати, не то что сейчас. Вот сразу, как освободили Донбасс от немцев, румын всяких, бандеровцев. А на соседнем поле работала Паша Ангелина. Она уже до войны была ударницей, как Стаханов, только в сельском хозяйстве.

Закутний обратился ко всем с риторическим вопросом:

— Не забылись ещё школьные речёвки, надеюсь?

— Помним-помним... — ответил за всех Послов.

— Вот-вот... Отец говорил, что ему сильно повезло: чуть что — он к Паше. Не к ней, конечно, а к её ремонтникам. При Паше мобильная ремонтная мастерская была. Отец там свечи брал, прокладки, резинки всякие, солидол. Свечи тогда были совсем другие, не как сейчас, а составные. Часто вываливались из посадочных гнёзд. Вернее, выстреливались — ищи их потом в поле. А солидол не только для трактора использовался, но и в хозяйстве: колеса, петли, вёроты... А ещё это, оказывается, отличный заживляющий крем. Конечно, тот солидол, не нынешний. Так вот! У отца не было мастерской — и не было трудовых подвигов. А у Прасковьи

— были подвиги, потому что ремонтники и запчасти имелись, и корреспонденты вереницей к ней ехали, но про мастерскую особо не писали. Такая была система. Она и сейчас такая. Но лично к Паше у отца претензий нет, не жмотничала, воспоминания о ней самые хорошие.

— Не понял! Ты сказал, что пояснишь на своём примере, а сам про отца рассказываешь, — сделал замечание внимательный Послов.

— Так я ещё не всё сказал. А без этой предыстории главное будет непонятно.

— Давай уж, заканчивай!

— Не торопись, Сергей! Вот ты сказал: «Соберёмся и порешаем», а Женя на примере передовиков производства стал задавать нам всем вопросы. И я вспомнил эту папину историю про Ангелину.

— Ну и? — не унимался Сергей.

— И поймал себя на мысли, что, зная от отца правду жизни про трудовые подвиги, я тем не менее также верю в ту картину трудовых подвигов, которая нарисована советскими газетами. И есть ещё третья сторона! Логически я понимаю, что эти две картины мира — разные, а то и вовсе взаимоисключающие. Но они живут у меня в голове одновременно и вроде как равноправно. Такое ощущение, что даже сотрудничают, о чём-то там между собой перемигиваются. Что это за эффект, друзья? Шизофрения или раздвоение личности?

Все заулыбались, снова расслабились, стали подавать реплики, но Королёв выступил с развёрнутым тезисом:

— Валера, ты противопоставил знание и веру. Что рассказывал твой отец, это у тебя — знание, что прочитал в газетах — вера. То, что ты слышал от отца, — всё равно как бы ты сам Пашу Ангелину видел. Ты назвал это знанием, потому что веришь отцу, и это естественно. Как же отцу не верить? А вот газеты не имеют такого доверия, чтобы принять в качестве знания то, что в них написано. Поэтому газетную информацию ты принял на веру. Так примерно?

— Так, Женя, так! Причём и примерно, и точно, и приблизительно! — подтвердил Закутний королёвскую раскладку. — Более того, можно поменять местами «веру» и «знание», и это тоже будет по-своему правильно. Но суть моего вопроса не в диалектике веры и знания, а в мелком словечке «также». Я знаю и верю в то, что слышал от отца, и я также знаю и верю в то, что прочитал в газетах. Почему «также», если по всем логическим основаниям эти две версии — разные?

Сергей высказал мнение:

— Может, потому что они формируются в разное время? Газетное информационное поле окружает ребёнка всегда, впитывается на уровне социального рефлекса, а время откровенных разговоров с отцом приходит гораздо позже.

— Получается, авторитет пропаганды равен авторитету свидетеля, который к тому же ещё и отец? А если бы мне рассказывал не отец, а знакомый? Или тем более незнакомый? То есть она самая важная?

— Там, где мы сейчас копаемся, вероятно, действует какая-то другая логика, иначе это действительно будет шизофрения. Примеров таких противоречий полно в головах у всех, и в наших тоже. Но живём же! — констатировал Ляпин.

— Спасибо, успокоил! — отреагировал Валера. — Но последствия таких взаимоисключающих представлений небезобидны. Вот Алференко выявил на стыке двух систем шизофренические законы и инструкции, от которых страдают простые люди. Причём именно те люди, которым, если честно, по барабану что одна система, что другая: они вообще в другом пространстве-времени живут. Поверьте, я в тех местах жил, недолго, правда, но этот момент понял отчётливо. Они называются коренными народами, но законы им пишут представители каких-то других народов. Не кажется ли вам, что в этом есть какая-то вселенская ущербность?

— Просто как в сказке: битый небитого везёт. Да, есть странности, — улыбаясь, сказал Ляпин, — что с крестьянами Гренады, что с эскимосами Чукотки. Это я вам как потомок поморов говорю.

Сопоставление было оригинальным и неожиданным, и это вызвало общий смех.

Формула конференции

Пока говорили о передовиках производства, Королёв терпеливо ждал. Очевидно, у него был чёткий план беседы, но ляпинская шутка и его развеселила. Когда смех улёгся, Женя продолжил двигаться по намеченному:

— Вот видите, — обратился он ко всем, — какое обилие вопросов только к наиболее простому типу соревнования — производственному. Оно простое, я считаю, потому что в нём есть объективные показатели. А соревнование по месту жительства? Что это такое вообще? Ведь никто этого не знает. Советская власть уж точно не знает. Поначалу у неё не было времени этим заниматься, потом забылось. Нам в данном вопросе никто не поможет, потому что мы первые на эту тему вышли. Мы руководим своими МЖК, но тоже не знаем про соревнование по месту жительства ни-че-го... — на пессимистической ноте закончил Женя.

— Даже не знаем, возможно ли оно в принципе, — подхватил Ляпин, и по тону было ясно, что эта тема для него тоже проблемная. — Только верим, что возможно. Пока комплекс строится, соревнование идёт, а построимся — будет ли оно? А если соревнования не будет — будет ли коллектив?

— Кхе! — как-то даже крякнул Послов. — Вы молодцы! Свежо формулируете! Но — сложно. А надо ли так сложно? Эти мысли и ко мне приходили, но из-за строительной и прочей суеты на них времени не остаётся, они и не задерживаются. Ну и «ничо», — применил фонетизм Сергей, — живём себе. С заводчанами, хоть с рабочими, хоть с ИТР, говорить про создание коллектива по месту жительства непросто. Головами кивают, но, чувствуется, только для того, чтоб я отстал. Вам, конечно, проще.

— Почему же нам проще? — не понял Валера.

— У вас много дольщиков, — сказал Сергей и остановился, но потом решил пояснить: — Предприятий из разных отраслей. Профессии у людей разные, им интересно друг с другом общаться. А у меня моно-МЖК. Утром из дома в цех, вечером из цеха в дом. Зачем им говорить, если у всех — одно и то же? Разный жизненный опыт — что ещё надо для общения, но в моём МЖК с этим проблема. Как на этом монолите коллектив по месту жительства строить, мне совершенно непонятно.

— Пока мы не съехали в разговоре с темы места жительства, застолблю ещё одну проблему, не менее важную, чем соревнование, — заявился Закутний. — А именно — трудовое воспитание наших детей. До революции оно было ведущим по факту. Дети рано начинали работать, они не могли не работать при той энерговооружённости труда. При советской власти трудовая жизнь ушла за границы восьмого класса, но уроки труда были полновесные. Да и опыт Макаренко на слуху у всех был. А сейчас трудовое воспитание практически исчезло из школы. Как его вернуть хотя бы на нашу территорию? Вон, у Королёва школу-комбинат задумали построить, но пока всё в планах.

Ляпин поднял бровь:

— Закутний, не клеветай на нашу школу. В восемьдесят четвёртом году приняли основные направления реформы и общеобразовательной, и профессиональной школы. Ты их читал? Там же предусмотрено трудовое обучение по массовым профессиям. И квалификационный экзамен предусмотрен.

— Вот именно, Володя, вот именно, что обучение. А есть школа—завод «Чайка» в Москве, Карманов возглавляет. Там не обучение, а работа, в ходе которой обучение. Лошадь впереди телеги, как и полагается. Вот, например, фотоаппараты ФЭД начинались с мастерских детской трудовой коммуны, которую Макаренко организовал. Обучаться, чтобы получить диплом, и работать, чтобы освоить профессию, — разницу чувствуешь?

— Ладно, сдаюсь! Убедили-убедили! — поднял ладони Послов. — Да, есть что обсуждать. Вопросов действительно много, здравый смысл подсказывает одни ответы, инструкции дают противоположные или просто отсутствуют, что, в общем-то, даже хорошо. Наши действия? — задал он вопрос всем.

— И, кстати, ФЭД — это Феликс Эдмундович Дзержинский, если кто не знал, — с некоторым запозданием проинформировал товарищей Валера.

Все засмеялись.

— Вот я и говорю, что просто собраться, чтобы что-то решить, значит, ничего не решить, — убеждённо заявил Королёв. — Надо провести серию конференций. Каждая — по своей тематике: архитектура МЖК, соревнование в МЖК, коллектив по месту жительства, социалистическая школа, воспитание гражданина, культмассовая работа, социальная работа, бытовое обслуживание, предпринимательство, управление комплексом... И это только то, что с ходу придумалось.

— Я готов организовать конференцию на любую тему у себя в Архангельске, — предложил Володя. — Моё мнение: главное — не решить что-то, а чтобы специалисты, собравшись на конференцию, посмотрели на свою работу свежим взглядом. Чтоб выявить собственную профессиональную шизофрению, которую они могут просто не замечать, — и продолжил, улыбаясь: — Вот Закутний им и расскажет, как её распознавать в себе.

Все дружно посмеялись, и Валера добавил:

— Кстати, вполне могут и замечать, но если не получается ничего изменить, то просто плюнуть. Да и как поспоришь с инструкцией в служебной обстановке? Время точно потеряешь, да ещё может стать себе дороже. А конференция вполне может расположить профессионалов к инвентаризации того, что считается очевидным. Но выйти на такие темы за один день нереально. И за два дня может не получиться.

— Это верно, — согласился Королёв. — Поэтому планировать каждую конференцию надо на несколько дней и лучше в форме организационно-деятельностной игры. Наш МЖК будет проводить именно такую конференцию. В нашем Доме культуры. Тему позже скажу, подумать ещё надо, посоветоваться...

Женя оглядел собеседников и сообщил:

— Познакомился я недавно с интересным методологом, Сергеем Наумовым. Они, методологи, конечно, все из школы Щедровицкого, но у Сергея подходы другие. Не такие жёстко-командные, как у Георгия Петровича. Культурологические, что ли. Да и методы работы с игроками помягче.

Глава 15. 1980-е. Демократический централизм

Собеседники понимали, о чём говорит Женя. Методология в СССР не была запрещена, но и не афишировалась, хотя ОДИ проводились часто. В январе восьмидесят седьмого года «Комсомольская правда» организовала всесоюзный конкурс на должность директора завода, частью которого была игра «Разработка вариантов стратегии развития завода РАФ».

В эмжековской среде под влиянием Королёва царили весьма оптимистические ожидания от этого метода формирования решений.

Члены оргкомитетов МЖК отдавали себе отчёт относительно и сложности стоящих перед ними задач, и профессиональной неподготовленности к их решению, поэтому в движении был силен запрос на новые методики поиска решений, отличающиеся от комсомольских собраний и производственных совещаний. Когда Королёв говорил об ОДИ как об организации коллективной «мыследеятельностной мегамашины», это вызывало общий энтузиазм. В частности, он рассказывал, что братья Стругацкие написали повесть «Гадкие лебеди» под впечатлением от оргдеятельностной игры с участием детей.

— И не надо бояться многодневности. Ну да, проживание и питание организовать надо, а всё остальное время народ пусть думает. За этим методологи будут следить. Если верить историкам, Вселенские Соборы христианской церкви длились годами, а вся эпоха первых семи, которые и мы, и католики считаем законными, вообще продолжалась триста лет. Вопросы были важные, и предки наши времени не жалели, чтобы согласовать их большинством, — закончил агитацию Королёв.

Горькие вопросы

— А я готов собрать конференцию в Горьком по вопросам эмжековской школы, — заявил Послов. — С заводом договорюсь, в нашем пансионате за городом проведём, вдали от городских соблазнов. Женя вскинул голову.

— Сергей, имей в виду, мы наметили провести в марте конференцию «Педагогический эксперимент» для руководителей МЖК. У нас по проекту большой учебно-воспитательный комбинат заложен, можно сказать, школа и завод под одной крышей. Хотим обсудить методы управления таким УВК, формы взаимодействия родителей, детей и педагогов. Шаталова из Донецка приглашаем. Ты своих специалистов присылай, чтобы потом, на твоей конференции, продолжить разговор.

Масштабные планы, связанные со школой, были характерны для всех МЖК. Школа была важнейшей главой в программах социально-экономического развития молодёжных комплексов. Она была смысловой осью МЖК, центральной частью духовной жизни и культурной программы социума.

— Поскольку к слову пришлось, — отозвался Послов, — Женя, а в каком состоянии у вас сейчас дела с учебно-воспитательным комбинатом? Проект я видел: масштабный, конечно. Но он же больших денег потребует?

— Проект, что говорить, замечательный, — мечтательно проговорил Королёв. — Я на съёмках «12-х этажей» и на других мероприятиях со всеми нашими педагогическими талантами познакомился. Агитирую приехать в Свердловск внедрить авторские методики в нашем УВК. Но проект комбината дорогой, ты прав. По прикидкам, сметная стоимость — почти как у всей строительной программы нашей области по разделу среднего образования. Такие деньги можно взять только на союзном уровне. И только под эксперимент.

— Поэтому ты, я заметил, постоянно говоришь, что МЖК — это эксперимент! — с оттенком вопроса заявил Сергей.

— Да! — Королёв оглядел присутствующих. — Это важное слово для всех нас, потому что каждый хоть в чём-то, да хотел бы отойти от норм проектирования, финансирования, предоставления жилья. Так же?

Все закивали.

— На всё есть нормы, и это правильно, но если их соблюдать, то жизнь останавливается. Как соблюдать нормы и не мешать развитию, непонятно. Как временная мера, пока человечество не поумнеет, можно использовать слово «эксперимент».

— И ваш культурно-спортивный центр тоже прошёл как экспериментальный? — спросил Володя.

— Да, но по нему вопросов почти не было. Всё-таки окраина города, вокруг нас уже микрорайон. По деньгам он не очень дорогой. Металлический каркас, конечно, уникальный, но не дорогой.

— У вас много нетипичных объектов в МЖК, но по ним вы довольно быстро получали согласование, потому что нормы, может, и были превышены, но не сильно, правильно? — Сергей продолжал до чего-то доискиваться.

— Да! — озадачился Женя. — Так ты, Васильевич, спроси прямо, что тебя интересует, я отвечу. А то как-то долго ты ходишь кругами.

— Женя, я хожу кругами, потому что сам нащупываю, что меня заинтересовало. Попробую объяснить. Ваша команда филигранно планировала комплекс МЖК. Вы реализовали максимум, потому что на каждом этапе превышали нормы. Но каждое превышение было не очень большое, чтобы это не затягивало согласование проектов. На допустимое чуть-чуть. И строи-

тельство шло и идёт динамично. А с учебным комбинатом вы действуете совсем по-другому. Там превышены все, какие есть, нормы, и намного. Почему?

Сергею удалось сформулировать так, что все поняли: именно этот вопрос давно интересовал всех, просто никто не мог его грамотно изложить. Все стали смотреть на Королёва в надежде, что наконец произойдёт разрешение этой странности, которая давно сидит в головах и подспудно мучит отсутствием ответа.

Женя неопределённо хмыкнул, потом оглядел всех, расслабился и уже спокойно, расставив руки и раскрыв веер сильных пальцев, сказал почти будничным тоном:

— Я не знаю, что такое коммунизм, но я знаю, что он начинается в школе.

Некоторое время все молчали, а Королёв не собирался ничего добавлять к сказанному.

Ляпин начал нащупывать логику возможной дискуссии:

— Если будут учить коммунизму в одной школе, то коммунизма не случится, Женя.

— Конечно, не случится. Но сейчас не в количестве школ дело. Проблема в том, что в стране, которая первой поставила перед собой такую цель, не могут учить коммунизму. Я б даже сказал, что боятся учить коммунизму. Нет методики, видите ли! Есть слова Ленина «учиться коммунизму настоящим образом», но это не методика. Во всех учебниках эта фраза мусолится, но сказать что-то, кроме этих четырёх слов, чиновникам смелости не хватает. А если какой энтузиаст-педагог найдётся и заявит, что знает, как, чиновники набрасываются на него всем своим кагалом, скандалят и кричат, что Ленин такого не говорил.

— Женя, мы все в этом живём и не понимаем, как из этого вырваться. Вечно живое учение! С одной стороны, «вечно», с другой — «живое» учение! Так вечное или живое? — вставил реплику Закутний. — И вообще... Боятся ли? Может, не делают специально? Или неосознанно?

Но Королёв думал о своём, он возбудился и говорить сидя ему было неудобно. Он встал, опёрся о подоконник и, протягивая руку, возмущённо продолжил:

— Да вы сами, наверное, помните по передачам «12-й этаж» эти унижительные диалоги новаторов с чиновниками из Минобра? Вообще, странное зрелище: стоит учитель или директор школы, у которого второй десяток выпусков с великолепной статистикой по успеваемости, по поступлениям в вузы, и просит какие-то разрешения у чиновника, который и с детьми-то никогда не работал. Дурь и маразм!

— Маразм крепчал, и танки наши быстры... — выдал очередной афоризм Володя и продолжил: — Помню я этот эпизод... Причём, надо отдать должное, у них там эшелонированная оборона. Он же напрямую не запрещал. Говорил, мол, есть у нас ПедНИИ! Вот они ка-а-к составят методику эксперимента! А потом по этой методике ка-а-к оценят! Тогда мы вам и решим. Очевидное мракобесие, прикрытое отсылками к «науке». Хорошо устроились ребята.

— Да, я тоже помню, — сказал Валера. — Педагогические НИИ — это же просто кувалда, которой убивают педагогику. Ну как заниматься педагогической наукой в НИИ?! Школа — это и есть научная лаборатория! Педагог в классе и есть передний край педагогической науки. Это настоящие учёные, а не те, кто сидит в кабинетах с табличкой «НИИ». А у нас считается, что Макаренко и Сухомлинский не учёные, а писатели, и даже не на педагогические, а на воспитательные темы. Парадокс, вы не находите? Для чиновника от образования они — писатели, для писателей — педагоги. В итоге советские педагогические гении ни там ни сям. Система их изящно выкинула отовсюду.

Новаторские ответы

Послов прекратил воспоминания и обратился к Жене:

— Отвлечлись, парни! Женя, и ты хочешь для своего учебного комбината разработать методику, как учиться коммунизму настоящим образом? — спросил Послов.

— Я хочу педагогов-новаторов завлечь в МЖК, чтобы они её разработали. — Королёв обвёл всех взглядом. — Да она, собственно, уже давно есть, эта методика, давно разработана в нашей стране, и книги давно написаны. И гениальных педагогов у нас много. Методика есть, только рассеяна она по разным головам и по разным местам, где новаторам удалось выжить, где их Минпрос пока не обнаружил и не загнобил. В МЖК они смогут объединить свои методики. Организация МЖК прикроет их и от давления чиновников, и от инструкций вышестоящих инстанций.

Снова установилось молчание, которое нарушил Валера:

— Женя, новаторы — люди творческие. Ты не боишься, что вместо объединения они разъедятся, а то и вовсе разругаются?

— Нет, не боюсь. Но допускаю, что это возможно! — ещё находясь в возбуждении, резко сказал Королёв. — Появятся такие проблемы — буду решать. В любом случае, нужен масштаб. Учить коммунизму — это другой энергетический уровень. При переходе электрона с орбиты на орбиту требуется определённая порция энергии, не меньше. Так и здесь. Поэтому у нас не школа, а учебно-воспитательный комбинат.

Ляпин сбил эмоциональный накал неожиданным вопросом:

— Женя, ты смотрел фильм «Республика ШКИД»?

— Смотрел... А что?

— Как что? Республика! У вас тоже будет самоуправление школьников? Кстати, если помнишь, в фильме показано раздельное обучение мальчиков и девочек. Я слышал, что в Англии у аристократов оно до сих пор такое. А как у вас планируется? — Ляпин улыбнулся. — Как у английских аристократов или как у всех?

— Володя, ты попал в самую точку, в самое непонятное... — невесело улыбнулся Королёв. — Не знаю я ответа на эти вопросы. В кино — школа для беспризорников. Школа-коммуна, да ещё имени Достоевского. Может, у Фёдора Михайловича искать ответы надо, а? — пытался шутить Женя.

— Может! Но сначала саму «Республику ШКИД» почитай. Кино — само собой, его все видели, а вот книгу не все читали, а там много чего есть интересного. И демократия, и диктатура, и халдеи, и ростовщики. В твоём УВК, конечно, не беспризорники и уголовники соберутся, но подростковые страсти-мордасти неизбежны. Школьники сами будут разбираться в этом или бегать к училкам, чтоб они обидчика наказали? А, Королёв? Учителя-то советские в основном женщины.

Володины вопросы натолкнули Сергея на воспоминания:

— Кстати, про женщин. До седьмого класса, помню, дружный класс у нас был. А в восьмом наших девочек как подменили. Причёски, танцы, мальчики постарше. Вот и спрашивается, какой толк лично мне, пацану, полдня сидеть со сверстницей за одной партой, если у нас уже мысли о разном. Я с её точки зрения — ребёнок малый и таким в её памяти и останусь. Одна из нашего класса замуж вышла сразу после выпускного и родила вскорости. За пару лет всех разобрали.

Сергей помолчал и добавил:

— Бесследно это не пройдёт. Они потом и к мужу так будут относиться, как к соседу по парте. В глубине души, конечно.

— Раз уж мы для решения задачи пошли по пути усложнения исходных данных, то я ещё подброшу, — поднял руку Закутний. — Женя, ты сказал, что коммунизм начинается в школе... Согласен, но с важным уточнением. Не в школе дело, а в возрасте. Коммунизм начинается в том возрасте, когда в школу ходят! Возраст — главное! Маугли не то что коммунистом, он и человеком-то не станет. Тому, кто уже Маугли, твой УВК не поможет, каких бы ты новаторов туда ни собрал. Я у тебя на столе книжки Никитиных видел, ты же знаешь их догадку про угасание возможностей развития. Необратимое! И мой опыт говорит о том же. А я в студенчестве занимался формированием отрядов студентов и подростков, на летние работы в колхоз отправляли. Городские подростки — они же тоже Маугли, только из городских джунглей.

— В оргдеятельностных играх усложнение картины мира в процессе поиска решения называется проблематизацией, — ни к кому не обращаясь, произнёс Королёв.

Вопросы оставались неотвеченными, и пауза потребовалась всем. Валера занялся приготвлением кофе. Королёв курил и смотрел в окно. Ляпин и Послов лениво переговаривались. Когда вскипела вода в четвёртом стакане, Владимир бодрым голосом спросил:

— В одних передовицах утверждается, что «мы строим светлое будущее», в других — «дети — наше будущее». Отсюда какой вывод я могу сделать?

Володя оглядел друзей, приглашая к рассуждению, но все молчали.

— А тот вывод, что для будущего не нужны ни Уренгой, ни БАМ, а нужны дети и моё время на формирование желаемого будущего в них.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Сергей.

— Вот так всегда: скажешь, а тебе — «Что ты хочешь сказать?». Так я уже всё, что хотел, выразил, — усмехнулся Ляпин.

— Володя хочет, чтобы мы поняли, что комсомолец должен — по заветам Ленина — учиться коммунизму настоящим образом, а учиться ему можно, как мы установили, только в детском возрасте, поэтому первые по важности задачи комсомола — это ближайшая школа, а не стройки пятилетки где-то в тайге или в пустыне. Правильно я понял, что ты хочешь сказать, Володя?

— Всякий пересказ — это новое произведение, — уклончиво отреагировал Ляпин, — но в целом я согласен.

— В наших программах социально-экономического развития есть разделы по работе в школах и по внеклассной работе с детьми, а в уставе комсомола этого нет, — констатировал Сергей и с недоумением закончил: — А комсомол-то объединяет, если возраст взять в рассмотрение, молодых родителей... Получается, что первыми настоящими комсомольцами в стране являются эмжековцы. — Все рассмеялись, Сергей дождался паузы и вернул товарищей к началу разговора. — Теперь, Женя, мне понятно, почему вы шашкой машете. Если не махать, то лучше и не братья.

Некоторое время все молчали, и Закутний добавил:

— А может, вообще не в этом дело, а, парни? Советскую власть устанавливали те, кто церковно-приходскую школу заканчивал.

— И императорские университеты, — добавил Ляпин.

Формы конференций

«Все заявили, — отметил Закутний и задумался. — Я тоже могу заявить конференцию в Новосибирске, родной МЖК, уверен, поддержит. Но без предварительного согласования это будет некорректно. Поэтому выскажусь осторожно».

— Новосибирск, уверен, тоже присоединится и заявит конференцию, — проговорил Валерий. — Но я сейчас не могу сказать точно, надо согласовать с городскими МЖК. Лично я готов заняться координацией подготовки этой серии конференций.

Он обратился к Ляпину:

— Володя, а у тебя какие возможности? Где в Архангельске можно провести многодневную конференцию?

— Ещё не думал.

— Я тебе идею подброшу. Но она тоже требует рассказать предысторию. Про соревнование, кстати. И про инструкции, в которых должен присутствовать здравый смысл. Готовы выслушать? — обратился Закутний ко всем.

— Валяй, ты сегодня в ударе, — ухмыльнулся Ляпин, и никто не протестовал.

— В моём институте лучшие группы определяются в середине мая. По две группы с каждого факультета. В моё время это было двадцать групп. Их награждают двухдневным путешествием по Оби на теплоходе в конце мая. Прямо, можно сказать, перед сессией. Но когда я возглавлял учебно-воспитательную комиссию института, был другой порядок: определялась одна лучшая группа на весь институт. И вот хожу я по группам, по потокам, агитирую студентов учиться лучше, а они мне: «Нет перспектив надрываться, если по положению о соревновании определяется одна группа из пятисот, да и награда — несколько дней на Алтае — не всем подходит, многие в стройотряды едут». Вот этот здравый смысл и был сильнее документа. Короче, проблема... А мою работу курировал замсекретаря Станислав Куликов из семьи потомственных речников. И как-то, когда мы обсуждали в сотый раз, как увеличить количество победивших, но наиболее дешёвым способом, Стаса осенило: «Теплоход. По Оби. Два дня. Ночевать в палатках. Так побольше народу на природу забросим». Мы — к Гене Бессонову, к секретарю. Тот позвонил ректору, он тут же нас принял, мы рассказали идею и некоторые детали, которые успели сообразить. Был уже конец сентября, и надо было действовать быстро. Георгий Павлович дал добро, и через неделю комитет, профком и ректорат выпустили новое положение о соревновании. И оно началось, должен вам сказать, причём нешуточное, потому что награда стала весомой, хотя и была одна на всех. И то, что поездка общая, стало самым ценным в награде. Сплав лучших групп и сейчас является главным весенним событием студенческой жизни в НЭТИ, — закончил Валера свой рассказ на патетической ноте.

— За идею спасибо. Я выясню в пароходстве, можно ли совместить их правила морских прогулок и конференцию, — сказал Володя и объявил самозаявку МЖК «Соломбала»: — Моя конференция будет назваться «МЖК — социальный эксперимент». Если получится с круизным лайнером, то человек двести можно приглашать.

Королёв затушил сигарету и снова взялся вести разговор:

— Так, друзья, всё очень хорошо, план наметили... Завтра мне выступать, и саму идею, что конференций должно быть много, я аргументирую. Через день-два узнаем финальную формулировку постановления. Если конференцию МЖК оттуда не выкинут, то за зиму — весну надо поменять представление о ней у работников ЦК. Оно наверняка простое: собраться на пару дней, поговорить и разъехаться.

— Как у Послова поначалу, — хмыкнул Ляпин, все заулыбались. Королёв же продолжал:

— А наше представление другое и имеет большой недостаток: оно дороже. Поэтому убеждать придётся, а на это нужно время. Я думаю, что до лета убедим, но летом специалистов не собрать, поэтому раньше, чем осенью, конференции не начнутся.

Королёв обратился к Закутному:

— Валера, ты сказал, что займёшься координацией. Скорее всего, в начале лета надо будет поработать на телефоне. Сперва из Москвы, из рабочего отдела ЦК, для солидности. Сможешь?

— Смогу. Но надо попросить Сергея Бабкина организовать письмо в Новосибирский обком, чтоб командировку оформить.

— Конечно, сделаем.

— Володя, давай начнём серию конференций с твоей темы: «МЖК — эксперимент», — обратился Женя к Ляпину.

— Я не против. И идея с теплоходом хороша. Но чтобы в пароходстве отнеслись с пониманием, надо бы организовать заинтересованность ЦК.

— А вот Закутний к тебе и прилетит как представитель ЦК, письмо привезёт из рабочего отдела. Устроит? Где-нибудь по весне... Когда поймём, что в целом дело покатилося по нашим рельсам.

— Вполне.

— Я вот думаю, что весны ждать не надо, тем более лета. Темы научно-практических конференций понятны, базовые МЖК, — обвёл всех взглядом Валера, — уже самозаявились. Предварительный список надо забросить в ЦК как можно раньше, пусть начинает мелькать перед глазами. За весну список доустаканится, а летом я буду уже конкретные вопросы решать по телефону: сроки, численность, специалисты и прочее.

— Логично. Я это сделаю после заседания бюро, — сказал Королёв.

— А если выкинут? — задал вопрос Сергей.

Повисла пауза. Королёв первым сообразил, что речь идёт о резолюции Пленума:

— Не думаю. Если выкинут, тогда и подумаем. Сейчас на это время тратить не будем. Сейчас надо спуститься, перекусить и вернуться. У нас ещё один вопрос — новое положение об МЖК.

— Так ты мне скажи, конференции будут только научно-познавательные или учредительная состоится? — Послов продолжал контролировать недоговорённое.

— Научно-практические, Сергей, научно-практические, — с улыбкой поправил товарища Женя. — Пойдём-пойдём, а то буфет закроется. Потом обсудим, — придержал своё мнение Королёв.

— Хорошо, — согласился Послов и добавил: — Я напомним.

Определение МЖК

Перерыв на ужин и прочие технические мероприятия закончился, все вернулись в номер, заняли привычные места. Ночь не обещала быть обычной — как всегда в компании Королёва.

Для Жени было совершенно нормальным интенсивно думать в диалоге с кем-то, кто может это выдерживать, часов до четырёх ночи, потом немного поспать и в шесть утра продолжить диалог. Как правило, уже с кем-то другим, потому что тот, с кем Женя начинал обсуждение, не мог так быстро выйти из состояния глубокого осмысления.

Королёв относился к приёму пищи и сну как к занятиям, которые мешают жить, и это не была рисовка перед другими, это было органично для него. Он так жил.

— Начнём с главного, — начал было Королёв.

— Это правильно, — согласился Володя, устраиваясь поудобнее, и добавил, как бы про себя: — А то я долго не выдержу.

Все знали, что Володя Ляпин, как и его друг Юра Милюков, был склонен к сибаритству, но не делал из этого культа и какое-то время, как и другие друзья Королёва, был в состоянии работать в его режиме. Но жить в режиме Королёва, пожалуй, никто из них не мог.

Зануда Послов рассмешил всех:

— Нет, ты мне сначала ответь, конференция учредительная будет? — и на всякий случай напомнил: — Ты обещал.

Женя подождал, пока все отсмеются, оглядел товарищей, понял, что ответа ждёт не только Сергей, вздохнул, но сказал твёрдо:

— Да! Будет! — и добавил: — Думаю, последнюю конференцию надо проводить в Калининграде. Вернуться, так сказать, к истокам. Там и учреждаться надо. Если «общество» так решит, — завершил он тоном крестьянина из фильмов студии Довженко о революционных событиях начала века.

— Вот теперь можно двигаться дальше, — успокоился Послов.

— Так, с конференциями определились. — Королёв продолжал гнуть свою линию. — Переходим к Положению... Валера, вскипяти ещё воды, пожалуйста.

Закутний оглядел всех, спросил: «Всем?» — и, получив подтверждение, пошёл заниматься делом. Женя продолжал.

— Вот, в действующем положении написано: «МЖК — это жилые дома и соцкультбыт для проживания и обслуживания рабочих и служащих, принимавших непосредственное участие в их возведении. Цель — условия для молодых семей, принципы коллективизма, социалистическое общежитие, воспитание», — глядя в бумагу, но существенно сокращая, зачитал Королёв. — Если формально-логически отнестись к определениям, то получается, что цель домов — коллективизм. Чепуха какая-то, но на том этапе даже эту кондовость еле-еле соглашались.

Володя поделился слухами:

— Бабкин говорил, что профсоюзы так и не подписали положение об МЖК. Противоречит Жилищному кодексу — и всё тут. Но как-то ведь им удалось в титул документа вписать и ВЦСПС. Но Сергей так и не рассказал, только в усы улыбался.

— Думаю, всё просто! — сказал Сергей. — Параллельно Указ Президиума готовился о расширении прав трудовых коллективов в жилищных вопросах. Там расплывчатая формулировка, но при доброй воле достаточная, чтобы эмжековскую очередь признать законной! Я хорошо помню дебаты со своими профсоюзниками до указа. И их можно понять: кому хочется с прокуратурой связываться? А что касается определения в действующем положении, так по мне — нормальное. Для МЖК ГАЗ вполне подходит.

Королёв аж поморщился:

— Сергей, МЖК — это не дом и даже не дома с соцкультбытом. МЖК — это люди. И не функции, не какие-то там «рабочие и служащие», а просто люди. Жители комплекса.

Он помолчал и добавил:

— Жители этой земли.

Володя, глядя в свой экземпляр проекта нового Положения, стал говорить:

— В новых формулировках нет «рабочих и служащих», есть «жители», но определение принципиально не изменилось: МЖК — это жильё и соцкультбыт. А вот в целях есть новое: «комплексное социально-экономическое развитие территории», «коллектив по месту жительства — это самостоятельная самоуправляемая общественная организация». В действующем положении про цели сказано попроще: «Жилищные и бытовые условия молодых семей».

Территория МЖК

— Как-то смутно это видится. — Валера уже вернулся в компанию с графином воды. — Место жительства — это женщины с колясками, мелюзга на качелях, подростки в подъездах, бабки на лавочках и мы, мужчины, где-то тут тоже, если не на работе.

Он с иронией продолжил:

— Кто с домино, кто с пивом, кто с идеями по переустройству мира... И вот это всё ходит-бродит по территории, и все как один с членскими билетами общественной организации! Кто-нибудь может это себе представить? Я — нет! Заявляю публично и честно!

— Мало того! Так ещё и с полномочиями от органов власти местной и даже, может быть, государственной, — так же с иронией продолжил мысль Сергей, вычитав в проекте тезис про передачу в организацию МЖК полномочий, связанных с функционированием МЖК.

Королёв встал, подошёл к окну, посмотрел в пространство, вздохнул и подтвердил:

— Да, именно в этом месте не складывается и у меня. Народ, проживающий на территории, является источником власти. Вроде бы так надо понимать нашу Конституцию. И вот МЖК осваивает территорию, заселяет её людьми. По конституционной идее, только эти заселенцы и могут наделить МЖК властными полномочиями. Но — нет! На пустой территории уже есть власть! Латентная! Мы-то думали, раз там никого нет, значит, там пусто, а оказалось, что в этой пустоте полно разных неявных сил. Именно сил! И заселённые люди начинают питать своей энергией эти силы, делая их явными. А по Конституции должны делать явной силу своего объединения. Какая-то нелогичность, не находите? — спросил Женя, особо ни к кому не обращаясь, и тряхнул головой. — Короче, как показывает жизнь, реальная власть не горит желанием делиться источниками своих сил с нами, с МЖК. По этой причине в положении есть пункт о «наделении» нас полномочиями.

— Что в новом, что в старом Положении МЖК определён как имущественный комплекс. Наделять имущество полномочиями? — обвёл всех взглядом Володя с выражением неодобрительного удивления. И продолжил, обращаясь в Жене: — Вопрос о природе МЖК пока не имеет очевидного ответа, давай оставим определение как есть и пойдём по тексту дальше.

— Может, и хорошо, что нет определения? — с неуверенностью в голосе произнёс Закутний. — Пока это не мешает работать. Не определены — не пойманы, как говорится.

— Давай пойдём дальше, — согласился Королёв. — Но наделить полномочиями — в целом правильная идея. Зачем государству заниматься мелочами? В своём комплексе эмжековцы сами справятся. Наделить МЖК полномочиями надо, потому что это ресурсы. Прежде всего, деньги. Без этого у МЖК не будет реальных рычагов для работы по месту жительства. А то приходишь в любой кабинет, а начальник лезет в тумбочку, достаёт действующее Положение и тычет пальцем: «Вот что про вас написано, идите и занимайтесь». Но как этим всем заниматься, если никаких рычагов нет и денег нет?

— Да, но наделить-то кого? Общественную организацию? Коллектив? Что такое МЖК, мы сказать не можем, а за нас никто над этим думать не будет, — другими словами повторил свою мысль Ляпин.

— Это верно. Но пусть пока будет как есть, — согласился Королёв и удивился: — Ты же сам предложил не заикливаться. Чёткое определение появится само собой. Потом. А пока будем определять всё вокруг МЖК. Вот, например. — Он стал читать с небольшими пропусками: — «...принадлежащие государству жилые дома и иные объекты, построенные с трудовым участием членов КМСО, закрепляются за МЖК решением исполкома местного Совета народных депутатов и используются для реализации социальной программы по согласованию с коллективом жителей комплекса».

— В этих формулировках понятия МЖК и коллектива жителей разведены. То есть у жителей может не быть членских билетов, — шутливо резюмировал Володя, обращаясь к Валере, а потом и ко всем. — А под определение МЖК в данном тезисе и общественная организация вполне подойдёт.

— Нет, не думаю, что подойдёт, — возразил Валера. — В данной формулировке, скорее, сход граждан подразумевается. Мне кто-то говорил, что есть положение об общих собраниях и сходах по месту жительства. Для схода членство не требуется, для организации — нужно, а МЖК стоит где-то посередине между этими формами. На практике у нас не члены, а участники соревнования. Сначала — за право выйти на стройку, потом — за очередность выбора квартиры. Процедуры приёма-исключения нет. А после заселения эмжековцы становятся населением и могут продолжать участвовать в жизни организации, а могут и не участвовать. И есть ещё члены семьи, с которыми тем более ничего не ясно.

— Ну вот мы и доплыли до разбоя.

— До какого разбоя?! — Сергею последняя часть обсуждения была явно неинтересна, и он только не кемарил, а тут оживился.

— Не волнуйся, Васильевич, — усмехнулся Женя. — Не знаю, как там у вас, за фабричной заставой, а у Вити Марченко разбоем называется место, где русло расходится на два, примерно одинаковых по полноводности, а с катамарана видишь, что несёшься на стену. Витя, оказывается, заядлый турист.

Все засмеялись.

— А в чём тогда наш разбой? — Послов продолжал допытываться.

— МЖК — это смесь Запорожской Сечи и ремесленной слободы. Одни на майдане митингуют, другие мечи куют или в поле пашут. Они тоже могут пойти на майдан, а кто тогда дело будет делать?

— А оргкомитет — это атаман? — спросил Володя, прислушиваясь к своему же вопросу.

— Все эти сравнения условны, конечно, а вот кем избирается главный — это зона разбоя и есть. Или сходом, или членами организации. Нынешний Гражданский кодекс признает легитимным второй вариант, но история показывает, что возможен и первый. МЖК стартует по первому варианту. Просто другого не может быть, если по-другому, то это не МЖК. Но потом возникает второй. Как-то сам собою, через нас. — Он помолчал. — Или из нас. Наверное, это нормально. Ну, в смысле, закономерно.

— А ты хочешь по-другому?

Королёв внимательно всех оглядел:

— Если в каждом будет голограмма общего, то неважно, кто придёт на сход, чтобы принять решение.

Разговор иссяк.

Идеология МЖК

Королёв листал листы с текстом, раскладывая их в каком-то ему известном порядке. Листали свои экземпляры и остальные.

— Ух ты! — воскликнул Закутний. — Только сейчас сообразил. Этот проект совершенно другой, чем действующее положение. Его, конечно, можно обсуждать постатейно, но тогда главное пропустим. А оно есть, вернее — было.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ляпин.

— Из нового положения идеология ушла совсем. Куда-то...

— Есть она, в преамбуле ищи, — усмехнулся Володя.

— В преамбуле её не может быть, идеология — это обязанности. Они были, а сейчас их нет. И определение коллектива было: «выполнившие трудовую программу и члены их семей по желанию», а сейчас «МЖК — это общественная организация».

— Ишь чего захотел! — хохотнул Володя. — Обязанности! Идеология — это права!

Королёв отложил своё занятие, посмотрел на всех и криво улыбнулся:

— Мы договорились не тратить время на дебаты, но как всегда... Ладно. Помните обложку спецвыпуска «Современника»?

— Это где ты в полный рост? — уточнил Послов.

— Помните, что там мелким почерком внизу написано?

— Что революция в опасности! — неожиданно громко сказал Володя, и все рассмеялись.

Продолжая улыбаться, Женя процитировал:

— «Будущее смелого социального эксперимента в опасности», если дословно.

— Как я понял, когда прочитал от корки до корки, основная опасность в том, что у вас землю отбирают. Не в том смысле, что отбирают ваше, просто активно застраивают всё вокруг. Ну так вы же поспособствовали тому, чтоб ДСК работал лучше, вот комбинат и работает, — высказал мнение рассудительный Послов.

Закутний обвёл всех взглядом:

— В апреле прошлого года мы все были в Свердловске на отчётно-выборной конференции. — И обратился к Жене: — Ты говорил с трибуны, что подведены итоги строительства по двум очередям.

Женя кивнул, ожидая продолжения.

— И ещё говорил, что это наводит на серьёзные размышления, мол, хватит ли собственных трудовых ресурсов для выполнения всей строительной программы. Мне эти слова просто в память врезались.

— Да, говорил. А ты что хочешь сказать?

— Да так, гипотеза... Директор ДСК строит вокруг МЖК и такими вопросами не задаётся. У него же безлимитный источник всего. А у нас есть объективное ограничение в количестве человеко-часов членов организации. Их можно увеличить, набирая новых членов, значит — расширяя МЖК, а этот процесс конечный, градостроительная ситуация когда-нибудь да схлопнется.

— Чистая математика! — сообщил Сергей. — Вот твои человеко-часы — и гуляй по буфету, как хочешь. Другой валюты не будет.

— Сергей, Валера, остыньте! Смешались в кучу кони, люди! Идеология, человеко-часы... Просто протяжный вой какой-то. Женя, продолжай, мы тебя слушаем.

— А что продолжать? Действительно, сейчас МЖК в опасности. Система начинает сопротивляться новому. В МЖК не строитель главный на стройплощадке, а тот, кто там будет жить. А у системы всегда было наоборот. Лозунг правильный — забота о человеке, но когда приходит конкретный человек, то выясняется, что системе не до него. У неё план по валу, вал

по плану, и зарплата от этого зависит. И тут мы! А у системы на нас компромат: «А ну-ка, проверим, кто такие?! Ах, они все подснежники!»

— Поэтому новое положение в основном про организацию и хозяйственность? — спросил Валера.

Ляпин повторил свою просьбу:

— Женя, продолжай, мы тебя слушаем.

Средства МЖК

Женя поднял несколько верхних листов из своей стопки.

— Дальше идут пункты, типовые для устава общественной организации: источники средств, имущество, виды деятельности и тэ дэ и тэ пэ. Их обсуждать не будем, хорошо? — спросил он всех, все закивали, и Женя отложил листы в сторону.

Послов, тыча пальцем в верхний лист своей пачки, недовольно сказал:

— В проекте есть пункт об освобождении организаций МЖК и его предприятий от подоходного налога. Не пройдёт такой пункт. Этот налог платят не организации, а работники. Технически, конечно, его считает бухгалтерия и сразу вычитает из зарплаты, но юридически это налог, который уплачивает работник, то есть человек.

— Этот пункт для того и включён, чтоб было с чем спорить и что выкидывать, — согласился Женя и пояснил: — Под его прикрытием могут пройти другие важные пункты. Например, касающиеся эксплуатации комплексов.

Он немного помолчал, потом продолжил:

— Уже не раз мне приходилось включаться в разборки с ЖЭКом. Иногда и проблема-то пустяковая, но ЖЭК, обслуживающий МЖК, должен показать, что тут всё от него зависит.

Женя обвёл всех взглядом:

— Вас тоже это ждёт, так что готовьтесь. Как лично столкнётесь с коммунальной сферой, поймёте, что саму эту систему менять надо в корне. — Он положил ладонь на листы с проектом. — Вот мы с Синицей и решили уже в нынешний проект хоть что-то заложить на эту тему. Пока на принципы не посягаем, но кое-что лучше, чем ничего. Здесь прописаны два варианта: или отдельные работы брать на себя по договорам с ЖЭКом, или забирать весь комплекс в аренду.

— А про деньги, которые в системе ЖКХ выделяются по нормативам, тут ничего не сказано, — пробежав концовку проекта положения, сказал Сергей. — В аренду-то взять можно, но тогда и квартплату надо себе забирать, и отчисления на капремонт. Наверняка ещё какие-то деньги там в системе есть.

— Есть, конечно, но детализировать в постановлении бюро ЦК не нужно, это не их компетенция. Это вопросы уровня правительства, и в любом случае они ждут до следующего этапа, до которого ещё дорасти надо.

— Я вот вижу революционный пункт! — воскликнул Володя. — Решение о создании МЖК принимается советской властью и комсомолом по согласованию с предприятиями, — пересказал он своими словами. — А в действующем положении — по решению министерств по согласованию с ЦК комсомола и исполнительной властью на местах.

— Это правильно, что ты его так назвал. Революционный... Но маловыполнимый.

— Вы его тоже внесли на будущее? — предположил Володя.

— Да, на будущее, — улыбнулся Женя.

— На какое будущее? — продолжал допрашивать Ляпин.

— Не знаю я, на какое будущее, — ещё шире улыбнулся Женя. — Хотелось бы, чтоб на ближайшее, но так не получится. Быстро это не произойдёт.

— Женя, поясни, — вступил Послов, — для тех, кто в танке. Что-то я потерял нить.

— Всё просто! Сейчас все деньги у министерств. Так? — задал риторический вопрос Королёв. — То есть на местах все деньги — у предприятий, советская власть их только аккумулирует и, как может, упорядочивает застройку на своей территории.

— Ха! А тут тоже немного от шизофрении: по новому Положению, решение будет принимать тот человек, который с восемнадцати до девяти, а согласовывать с тем собой, который с девяти до восемнадцати, — заявил Валера.

— Закутний, опять ты про раздвоение личности, — насупился Послов. — Поясни эту абракадабру.

— Да всё понятно, Сергей! Все мы с девяти до шести — на работе, с шести до девяти — дома, — стал пояснять Ляпин. — Деньги на капстроительство у того, кто на работе, а у того, кто дома, — только зарплата. На неё ничего не отремонтируешь, тем более не построишь.

— Вот-вот, — подтвердил Валера и вставил про исключения: — Правда, есть деятели культуры или, например, северяне, у них зарплаты побольше, они могут кооперативное жильё приобрести. Но это исключения, а мы тут собрались про правила говорить.

— Если уж про правила, то надо учесть и тех, кто с девяти до девяти дома. Пенсионеры, младенцы, да и учащиеся, потому как не на производстве, — внёс предложение Сергей.

— Всё верно. Вот такая диалектика, граничащая с парадоксом, — подключился Женья. — У работника есть средства для жилищного строительства, а у жителя нет. Но это один и тот же человек и один и тот же клочок земли.

Он помолчал.

— Как у нас по Конституции? СССР — это социалистическое общенародное государство, вся власть в СССР принадлежит народу, народ осуществляет власть через Советы народных депутатов. А деньги — у предприятий.

— Осталось добавить, что зарплата — это не деньги, — философски протянул Ляпин.

— Для полноты картины, — вступил и Послов, — надо сказать, что от конкретного работника мало что зависит, так же как и от конкретного жителя. На производстве — профсоюзы, по месту жительства — депутаты. На производстве хоть все рядом, можно с начальством в обеденное время встретиться и поругаться, а дома — куча дел бытовых, и депутат раз в месяц принимает, да к нему ещё доехать надо.

Все помолчали, ощутив невозможность простых объяснений этой реальности и каких-либо результативных действий в ней.

Правильный пункт

— Тогда тем более непонятно, зачем вы с Синицей этот пункт внесли, — покачал головой Володя.

— Потому что он правильный! — воскликнул Королёв. — Те, кто устанавливал советскую власть в семнадцатом году, потому так её и называли, что она — власть не начальников, а всех людей, и занята главными делами — сохранением и преумножением народа. А вот по этому вопросу, — улыбнулся Женя, — пожалуйста к нам в МЖК, мы знаем, как сохранять и преумножать.

Пояснять было не надо, все знали, что Королёв имеет в виду. Калининградский и свердловский МЖК уже продемонстрировали эффект повышенной рождаемости. После заселения, как правило, в семьях появлялось ещё по одному ребёнку. Калининградцы недооценили этот демографический эффект, и через пару лет многие семьи снова нуждались в расширении жилплощади. Свердловчане учли эту закономерность и распределяли квартиры с учётом грядущего увеличения состава семьи.

— А-а-а! — с улыбкой протянул Ляпин. — Какие вы хитрые! Чтоб советская власть обзавелась своими низовыми структурами, да ещё и активными. Логично, но бесперспективно.

— Почему это?

— Потому что деньги у министерств. И ты сам об этом говорил. Хорошо, примет власть решение: «Быть МЖК тут!» — а на какие шиши строить она будет? Все лимиты — у предприятий. Государство печатает деньги под товарную массу. Сколько произвели, столько и получили. А кто производит? Предприятия, а не место жительства. Поэтому деньги всегда будут приходить на предприятия.

— Так место жительства тоже производит! Детей производит, здоровье, образованность, мораль, если хочешь! — Закутний предложил посмотреть на ситуацию с другой стороны.

— Ты предлагаешь под эти категории печатать деньги? Интересная идея, — солидным тоном сказал Ляпин, но тут же улыбнулся: — Но так не получится. Существующая денежная система обслуживает товарный обмен. А категории, о которых ты говоришь, не могут оборачиваться.

— Почему же не могут? — перебил Володю Сергей. — Если у меня плохое настроение, то я запросто могу поделиться им с другими.

Все засмеялись, потом Володя продолжил:

— Да, эти идеальные категории вполне реальны в своих сферах, так же как товары — в своей.

— Кто-то когда-то задумался о том, как опосредовать обмен товарами, и придумал деньги, — включился Королёв. — Можно поразмышлять, каким символом обслуживать генерацию человеческих качеств. Вот и займёмся этим на наших научно-практических конференциях. А сейчас предлагаю двигаться дальше по пунктам положения.

— Эх, на самом интересном месте... — Ляпин завожился на постели, принимая ещё более горизонтальную позицию. — Самое ценное в новом положении то, что там оговаривается процент отчислений на социальные службы и содержится запрет требовать больше. Но я не особо верю, что поможет. Власти найдут способ выкрутить руки. Но основания стоять насмерть есть... Вернее, стоять за жизнь.

И видно, и слышно было, что Володя борется со сном. Он закрыл глаза и уже заплетающимся голосом стал говорить:

— Тебе, Женя, завтра выступать. Мы хотим послушать, что ты скажешь комсомольцам. Так что, Валера, завтра не получится сходить в Госбанк и подать заявку на деньги под рождение детей. А также на их доработку до состояния человека.

Володя сделал паузу, соображая что-то, и решил, что надо пояснить:

— Я имею в виду доработку детей, а не денег. — затем вздохнул и более чётко добавил:
— Так что давайте, друзья, отложим визит в Госбанк до лучших времён.

Он явно проваливался в сон. Да и остальные клевали носом, даже Королёв. Нужно было отдохнуть. Завтра обещало быть непростым.

Глава 16. 2020-е. Программные тезисы

— Ну и что было дальше? Рассказывай быстрее, я ночь не спал, измучился весь. — Сергей Баринов лучился улыбкой даже сквозь свою густую бороду.

— Что ты имеешь в виду? — улыбнулся в ответ Закутний, приветливо, но непонимающе.

— Подоходный налог.

— Серёга, я не понял. Мы собрались в это раннее летнее утро на нашем конспиративном бульваре, чтобы обсудить следующие главы книги, так?

— Так!

— Я понимаю, конечно, что ты главный в департаменте финансов, но сегодня выходной. Рабочие вопросы в сторону, давай займёмся нашим хобби. Давай говорить о книге, которую мы с тобой пишем моей рукой.

— Я её и обсуждаю. Но, оказывается, ты не помнишь, что пишешь. А в последних главах, что ты прислал, есть бурное обсуждение нового положения об МЖК. И там есть пункт об освобождении МЖК от подоходного налога.

— А-а-а, Семён Семёныч... Да, точно, была такая фантазия, — рассмеялся Закутний. — Если честно, я не следил за движением проекта положения по министерствам и ведомствам. Уверен, до Совмина оно не дошло. Да годы-то какие были, Серёга! Все перестраивались и уходили в самоокупаемость.

Анатомия будущего

Валера вернулся к деловому тону:

— Оно не было принято, это точно. На каком этапе остановилось согласование и почему — не знаю. Наверное, Королёв следил... А может, и не следил, потому что я не помню разговоров на эту тему. Когда листал в архиве протокол заседания бюро, ещё мысль мелькнула: зря я тогда не интересовался, что с проектом документа происходит.

— Человек, который этот пункт в проект вставил, или не понимал, что делает, или наоборот. Вряд ли он был в принципе против налогов, всё-таки высшее образование зачатки здравого смысла даёт. Давай всё-таки предполагать, что в этом пункте была экономическая мысль.

— Давай! — легко согласился Валера. — И какая же?

— Думаю, он принял во внимание цепочку движения денег. Представим МЖК тех лет как резервуар денежной массы и времени. Деньги — зарплата, полученная от госпредприятий взамен на труд, время — то, которое члены организации могут уделить её делам. Ресурсами МЖК как социального организма являются время эмжековцев и их деньги. Согласен?

— Ты так изложил, что не согласиться невозможно, — улыбнулся Валера.

— Тогда двигаемся дальше. Но МЖК как организация обрастает своими предприятиями, продукция которых потребляется внутри МЖК, и тоже выдаёт зарплату. Возможен, конечно, и экспорт, но мы пока этот случай рассматривать не будем. — Баринов сделал паузу в ожидании реакции собеседника.

Через некоторое время Закутний спросил:

— Ты хочешь сказать: зарплата, полученная в предприятии МЖК, совсем не та, что на госпредприятии?

— Именно. Госпредприятие, если отвлечься от деталей, расплачивается свеженапечатанными денежными знаками, а предприятия МЖК находятся на втором обороте этих денег.

Если сотрудники предприятий МЖК не будут платить подоходный налог, то эмжековский резервуар будет полнее.

— В теории — правильно, но пункт — утопия! Отследить, какие деньги из какого оборота, невозможно. Вариантов слишком много. Например, можно работать в МЖК, но жить в соседнем микрорайоне. И экспорт—импорт неизбежны.

— Согласен! Но утопия, подталкивающая, во-первых, рассуждать дальше, во-вторых, в перспективном направлении, рано или поздно становится реальностью. Поэтому вопрос у меня и возник: это случайное правильное направление или осознанное? В любом случае хорошо. Значит, были среди нас те, которые думали о трансформации системы финансирования жизни.

— Да, были люди в наше время... Хватит торчать у фонтанов, пошли присядем, пока народ все лавочки не занял, — предложил Закутний.

— Пройдёмся лучше. А то с этой цифровой трансформацией все смешариками станем. Я с внуками смотрю эти мультяшки и с собой сравниваю: явно персонажи срисованы с натуры. — Сергей засмеялся и бросил взгляд на друга: — Да и ты, гляжу, округлился за время, что книгу пишешь.

— Есть такое. У меня сидячие не только работа, но и хобби, — усмехнулся Валера.

Они развернулись в сторону станции «Трубная». Некоторое время шли молча, потом Закутний вздохнул и выдал результат умозаключений:

— Да, дилемма. Цифра позволяет — в теории, конечно — монополизировать печатный станок, но это будет мир бесформенных организмов. Может, существует другой путь? Точно существует, просто мы его пока не видим.

— Значит, пока не прижало, — философски заметил Сергей.

— У Лема есть роман «Возвращение со звёзд». Вернулся на Землю космонавт, улетевший к какой-то звезде полтора века назад, а люди за это время передумали летать.

— Вообще или к звёздам?

— К звёздам. Поставили себе прививки от агрессии, перестали рисковать, и интерес к звёздам пропал. И — привет! Мышеловка для космонавта захлопнулась. Он бы и рад улететь от таких однопланетников, да технологии утеряны, ракеты в музей сданы.

— У нас ВДНХ не для этого ли восстанавливают? — усмехнулся Сергей.

Валера не стал отвлекаться:

— Нашёл этот космонавт себе женщину, но через некоторое время понял, что она отда-лась, потому что боится его до смерти, как пса агрессивного. Пришлось ему тоже привиться, и стал он спать спокойно.

— Во имя любви? Или от безысходности? — снова пошутил Сергей.

Валера продолжил как ни в чём ни бывало:

— А у Стругацких другая история. Светлая такая. «Полдень, XXII век» называется. Наверняка читал.

— Конечно, читал. Я застал время, когда все научной фантастикой увлекались. Сейчас это редкость. Детей на фэнтези подсадили.

— Там — аналогично. Прилетели через пару веков два друга со звёзд и узнали, что лет через сто после их старта земляне уже исследовали то место, куда они ещё не долетели. И вообще, появились другие двигатели, и однопланетники скачут по галактике без ограничений.

— Я помню. Они тоже нашли себе по женщине и стали жить-поживать.

— Вот-вот. Как может видеть внимательный читатель, — перешёл Закутний на назидательный тон, — похожие мысли могут мучить совершенно разных писателей. В данном случае мысль незамысловата: мужчина аннигилируется женщиной. В результате бурной реакции много чего получается, но я не об этом...

— Аннигилируется женщиной или семьёй? Тема сложная, нюансов много, нужно формулировать аккуратно, — также назидательно сказал Сергей.

— Согласен. Про аннигиляцию я сказал так, по ходу движения к основной мысли.

— Давай двигаться вместе. Внимательно слушаю.

— А в ещё более глубоком детстве я прочитал книжку «Мы — земляне», и автора помню — Гуревич. У кого из друзей ни спрашивал, никто её не читал. В ней космонавты тоже возвращаются — и ста лет не прошло — и видят на Земле настоящий рай. Роботы пасут коров, из них на автоматической фабрике делают питательные плитки, плитки загружают в автоматы, автоматы стоят на территории парков аттракционов, а в парках — люди. Они из парков не выходят, там и живут. Переходят от одного аттракциона к другому, периодически подходят к автоматам, нажимают на кнопку, получают плитку. Причём есть аттракционы опасные, с таких можно вылететь и разбиться. Разбившихся подбирают и увозят роботы. Люди это видят, но поток желающих пощекотать себе нервы меньше не становится.

— Очень всё узнаваемо, хотя, ты говоришь, книжка написана в середине прошлого века?

— Да, в шестидесятых.

— А как они размножаются?

— Если честно, не запомнилось. Вернее, смутно запомнилась бесполость этих существ. Я читал-то её классе в пятом. Тогда этот вопрос был не в фокусе внимания. А вот что я точно запомнил, так это анатомические изменения, произошедшие с людьми. Автор их описал примерно такими, как муми-тролли на иллюстрациях. Представил?

— Конечно. Я же внуков воспитываю.

— Так вот... Основная моя мысль в том, что я с тобой категорически не согласен! Твоя версия, что мы станем смешариками, несостоятельная. Мы станем муми-троллями.

Когда улёгся импульс смеха, Сергей высказал предположение:

— Это было бы смешно, если бы не масса признаков, что мы идём именно в такой рай. Кстати, что прилетевшие земляне сделали? Женщин нет, аннигилироваться не с кем. Плюнули и на аттракционы пошли?

— Повесть мне помнится как весьма оптимистичная, поэтому — нет. Но что именно они сделали, я уже не помню. — Валера посмотрел на товарища с лукавством. — Хотел заглянуть в конец учебника, чтобы узнать ответ? Не получится, Серёга. Ответы там есть, но они постоянно меняются. У нас будет какой-то другой путь и другой ответ.

— Это верно. Ну всё! Спускаемся со звёзд. Вот, кстати, есть где приземлиться.

Структура настоящего

— Сергей, когда мы начинали обсуждать, о чём будет эта книга, ты высказал мысль, что движение МЖК не могло бы состояться, если бы у него — у движения — не было программы.

— Да, я и сейчас так думаю. В восьмидесятые годы мы более-менее отработали программные тезисы, конечно, на идеологическом языке того времени: «коллектив по месту жительства», «соревнование», «трудовое участие», «предприятия-дольщики».

— Сменилась эпоха, и эти понятия ушли вместе с ней.

— И нечем стало говорить об МЖК, — подхватил Сергей — Слова, чтоб говорить об МЖК, исчезли из современного лексикона. А если нет лексики, чтобы говорить о чём-то... то его как будто и нет!

— Именно! Мы попали в лингвистическую чёрную дыру и для внешнего наблюдателя не видны. Было и перестало быть! И в настоящем, и — что удивительно — в прошлом.

— Даже из нашей памяти образ стал постепенно уходить, потому что мы перестали пользоваться словами, на которых он держался. А в представлениях современных людей этот образ не имел никакой возможности возникнуть вообще.

— Одно время и мне стало казаться, что МЖК закончилось навсегда. Более того, — улыбнулся Валера и понизил голос, — стали появляться подозрения, что его вообще не было никогда.

Сергей посмотрел на друга, тот продолжал улыбаться.

— И у меня возникло похожее чувство. Я тогда тебе и позвонил. Пора, думаю, всё записать, а то сам себе перестаёшь верить. А что ты улыбаешься?

— Вспомнил, как мы, ветераны, ходили в Минстрой, чтобы открыть глаза чиновникам и донести важность МЖК для современной молодёжи. А говорили с ними, употребляя советскую терминологию. Нас вежливо слушали...

— Да, было смешно... Зато искренне. Ладно, вернёмся к программности.

— Я тогда, в первом разговоре, согласился с тобой и, начав работать над книгой, думал, что это будет просто рассказ о программе движения. Но быстро понял: рассказать-то не проблема, однако это будет чтение Библии в оригинале. Представь, что в храме тебе читают на древнееврейском! Заслушаешься, наверное, но ничего не поймёшь.

Баринов улыбнулся:

— Да, убедительно.

— А я, кстати, слушал тексты на мёртвых языках. В Крыму есть музей языков мира. Он так называется. Удивительный музей! Очень много фонограмм, видео, текстов. В нём и за неделю не наскучит: так много интересных материалов.

— Петрович, вернись к программности.

— Язык, Серёга, это и есть операционная система хомо сапиенса. Почитай «Системные языки мозга» Вашкевича... Но — согласен. От МЖК отвлёкся. Итак! Терминологии, которую наработали эмжековцы семидесятых, хватало на все случаи жизни и в восьмидесятые годы. Жизнь была идеологизированной, и слова мы использовали соответствующие.

— Как будто сейчас не так? То же самое. Надо выучить слова, за произнесение которых дают деньги, и ты — молодец! — заметил Сергей.

— Верно, но отвлекаться не будем. Зафиксируем: у эмжековцев восьмидесятых не было потребности менять язык описания МЖК, сложившийся в семидесятые.

— Хорошо, зафиксировали...

— Потом события развивались с такой скоростью, что некогда было думать, а главное — не на что... — Валера передёрнул плечами. — До сих пор вспоминаю некоторые девяностые годы с содроганием.

— Я тоже, Петрович, но у нас сегодня на повестке дня позитив.

— А из позитивного только то, что вкатились мы в новое тысячелетие с программой, сформулированной на мёртвом языке. В середине десятых, правда, была попытка переформулировать, но до конца эту работу не довели.

Валера остановился и развернулся к Сергею.

— Помнишь, я к тебе приставал в две тысячи четырнадцатом с программой современного МЖК, даже пару документов разработал, а ты, как всегда, оппонировал, чтоб я раскошегарился.

— Помню. Не довели, потому что мало кто из ветеранов оказался к этому готов. Сколько раз собирались вместе! Вроде и начинали про современность, но быстро сбивались на свою «древнееврейскую» терминологию, и, само собой, обсуждение заходило в тупик.

— Да, и из него непросто выбраться. Я готов дать только общее представление о программе движения МЖК в его, так сказать, цивилизационном измерении, но в современной обработке.

— Давай, Петрович, выкладывай.

— Современный тип застройки — логическое продолжение идей ранних советских архитекторов о жилье как звене производственного процесса. Первые коммунары видели переустройство мира через призму производства, поэтому жизнь вне производства свели к функции. И воспроизводство народонаселения трактовали утилитарно. Это — с одной стороны. С другой стороны — подоспели идеи Корбюзье о доме как машине для жилья и о пропорциях жилого пространства на основе модулора.

— И в этом мы до сих пор живём, — подхватил Сергей, — Жильё — звено производственного процесса. Квартира — машина для жилья. Пазлы сложились. Город стал урбанизированной территорией. Впредь никаких тебе Садовых колец. Движение МЖК и эмжековец — это реакция социума на расчеловечивание, которое запрограммировано в крупнопанельном жилище при принятых нормах по квадратуре полезной площади.

— Да! МЖК продекларировал иной подход даже не к жилищу, а к градообразованию. Молодёжный жилой комплекс является звеном воспроизводства жизни как таковой, причём жизни социализированной. Подчёркиваю! Было «жильё — звено производственного процесса», а стало «МЖК — звено воспроизводственного процесса». Результатом первого является продукция материального мира, и жильё подчинено ему, в результате второго появляются и облагораживаются до стадии сапиенса дети, то есть будущий социум. Социум порождает социум.

Сергей оживился:

— Если МЖК рассматривать в контексте эволюции городских систем расселения, то такая программность уже не зависит от идеологии. Она корректнее. Конечно, формулировка ещё весьма обобщённая, но это уже можно уточнять, разбирать на составляющие, описывать как систему.

Он возбудился.

— Очень хорошо! Принимаем в качестве рабочей формулы.

— Кто-то из антропологов сказал: «Народы рождаются в деревне и умирают в городе». Да, народы умирают в городе, но что-то же рождается в городе?

— МЖК на этот вопрос ответил практикой, но времени не хватило, чтоб обосновать и тиражировать. Пришёл капитализм, и город стал генерировать челоуейники. А в них могут жить только челоуьи! — Сергей увидел удивлённый взгляд товарища и пояснил: — Это не я сказал, такой демотиватор как-то на глаза попался.

— Хороший демотиватор, — улыбнулся и Валера. — От «чело века» до «чело вья». Вот такой вот деграданс! А молодёжь употребляет ещё более короткое слово — «чел».

— Оставь внуков в покое, Петрович. Пусть выбирают своей колеей. Ещё чего-нибудь программного скажешь?

— Вы просите песен? Их есть у меня! — Валера улыбнулся. — Классно спел Копелян в «Интервенции», помнишь это собрание советских кинозвёзд?

— Помню, конечно. Думаю, все из нашего поколения помнят этот фильм. Там и Высоцкий, и его песни. Но ты не отвлекайся, давай программные тезисы!

— Невозможно поговорить о высоком, — шутливо сокрушался Валера, — всё им программу подавай. Ладно, слушай! Есть ещё пара существенных тезисов.

— Пару? Давай! — Сергей продолжал улыбаться. — До пятницы я совершенно свободен!

Параметры прошлого

— Вот ты, Сергей, упомянул про нормы жилой площади. Это для жилья, а в МЖК надо говорить как минимум о двух параметрах: высоте до квартирному небу и расстоянии до ближайшей околицы.

— Слишком образно. Ты про что конкретно? Переведи в метрическую систему.

— Высота потолков и габариты квартиры. Гигиенисты позапрошлого века считали, что потолок должен быть не ниже трёх с половиной метров, а количество воздуха для человека — не меньше тридцати кубов. Хрущёва хвалят, что он решил послевоенную жилищную проблему, и это исторический факт. А гигиенический факт заключается в том, что клетки, куда заселились люди, провоцируют синдром нездорового помещения. За этим наукообразием скрывается правда о деградации человеческого материала, который нарождается и формируется в таких стеснённых помещениях. Именно там в массе своей выросли комсомольцы, громившие Советский Союз.

— Хрущёв решал не жилищную проблему, а проблему под названием СССР, ты это хочешь сказать? — спросил Сергей.

— И это тоже. Что значит внедрить крупнопанельное домостроение на одной седьмой части суши? Это — мероприятие планетарного масштаба, это — переформатирование реальности. По крайней мере, на этом театре цивилизационного противостояния. А масштабные процессы, Сергей, — они не только многоцелевые, но и многопобочные. Кстати, натолкнул меня на такое понимание советского КПД фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!». Хороший фильм, просто напичкан масонской символикой.

— Титры к фильму?

— И титры тоже. И «мировая мама» у Лукашина. Правда, неявное не сразу появляется. Хорошо, если с третьего-четвёртого просмотра, когда наконец насмотришься на ритуальные танцы мужчин и женщин и начинаешь видеть детали оформления этой вечной танцплощадки. Но продолжим про предупреждения гигиенистов. Витю Марченко из Владивостока помнишь?

— Конечно!

— Одарённый был человек.

— Да, был... Печально. К сожалению, уходят друзья.

— Он пригласил меня поработать во Владике в его холдинге «Зелёные листья», организовать производство домокомплектов на комбинате строительных материалов и выйти на рынок не с квадратными метрами, а с кубическими.

— Во как! Ты не рассказывал раньше.

— А когда? Для этого надо встречаться, чтобы поговорить, чтобы просто поговорить. Вот даже эта встреча не ради встречи как таковой, а по делу.

— Да, Петрович... Новогодние ёлки мелькают, как столбы освещения на М-4.

— Я больше по М-11 езжу. Но мелькает так же.

— И что Витя?

— В рамках этой базовой идеи было у Вити ещё одно предложение: не экономить на коридорах. Ширину коридора сделать на пролёт «пустотки»¹, то есть метров пять-шесть. Длину коридора принять такой, чтобы обеспечить естественное освещение от торцевых окон. По расчётам получалось расположить на этаже десять — двенадцать квартир. Коридорное пространство обустроить для детей младшего и среднего возраста, мамаш-домохозяек и вечернего досуга.

¹ Железобетонная плита перекрытия, в теле которой имеются пустоты, расположенные с определённым шагом параллельно длинной стороне плиты.

— Если социальную жизнь выносить в коридор, надо звукоизоляцию стен между коридором и квартирами усиливать, двери-тамбуры делать, как в музыкальной школе, — предположил Сергей. — Что-то похожее на калининградский вариант с поэтажными вставками. И что? Витя полагал, что найдутся платёжеспособные любители коллективных форм общежития? Такой вот как бы МЖК?

— На один-то дом, конечно, любители бы нашлись. Но проект не состоялся. Витя легкомысленно отнёсся к удавке на шее в виде кредитной нагрузки вообще и конкретной процентной ставки в частности. Опыт девяностых, когда инфляция позволяла кредитоваться и легко рассчитываться с банками, был уже неприменим, а Витя не перестроился. С одной стороны, кредитная нагрузка, с другой — Витины технологические задумки. Их было много. Кстати, Витя хоть и гинеколог по образованию, но в душе — инженер, а точнее — инженер-технолог пищевой промышленности. В базе данных Роспатента есть с десятков его изобретений. Вот вся маржа уходила на такие забавы взрослого мальчика.

— Так это его маржа. Хозяин — барин.

— Его она или общенародная — вопрос философский. Но ты углядел в моих словах осуждение, а его там не было. Это хорошо, что мужчина остаётся мальчиком, если под этим подразумевать способность к творчеству, а не к самолюбованию. Витя был творческой натурой, поэтому и не остановился вовремя. Творчество — это же наркотик.

— И ты не устоял и полетел к наркоману, чтобы участвовать в интеллектуальных оргиях? — спросил Сергей.

Друзья засмеялись, и Валера подтвердил:

— Да, ты верно подметил.

— Я думаю, что в современных условиях, когда девелопер получает прибыль от экономии затрат, ваш проект и не мог состояться. Идея с кубометрами жилой площади противоречит современному порядку вещей в принципе. Но идея красивая.

— Какая же это идея, если мы можем видеть воочию жилые дома с высокими потолками, просторными комнатами, большими и светлыми межэтажными пролетами. И не только в Питере, а практически по всей планете. Так строили двести — триста лет назад повсеместно. Да и твой МЖК в таких домах. Вы их не строили, вы их реконструировали! — улыбнулся Валера. — Заселились, можно сказать, в наследие предков!

— Да ладно тебе — «наследие», — смутился Сергей. — Наши дома — это последняя четверть девятнадцатого — начало двадцатого века, не семнадцатый и даже не восемнадцатый...

Сергей подумал и добавил:

— Но да, согласен — не панели.

— Значит, ещё в позапрошлом веке люди как-то по-другому жили, по-другому считали, раз строили другое, да так, что мы повторить не можем. Значит, возможен и иной порядок вещей, нежели тот, который мы считаем естественным и нормальным. Что изменилось? Как переключился тумблер на деградацию?

— Или кто? И где тот тумблер? Вопросы правильные, ответа мы не знаем.

— Более того, мы логически понимаем, что есть те, кто в десятом, а то и больше, поколении рождается и живёт в гораздо больших пространствах.

— Ты имеешь в виду африканские прерии и заполярную тундру, Петрович?

— Шутник! Нет, я имею в виду дворцы, замки, гольф-поля, охотничьи угодья.

— Да, и во дворцах и замках не убогий евроремонт, а оригиналы произведений искусств и прочие атрибуты многовековой родовитости. Но давай к ближе к нашим делам, а?

— Давай, — вздохнул Валера, — хотя вопрос интересный, как на одной планете существуют разные цивилизации, практически не пересекаясь?

— А ты часто думаешь о городских бездомных? А они есть. И иногда на глаза попадают. Но — посмотрел, как на пустое место, и дальше пошёл. Так же?

— Да... Пожалуй, да.

— Поэтому продолжаем. Итак, вместо инициативных групп МЖК пришли девелоперы, а им человеческий материал нужен в простом платёжеспособном состоянии. Чем проще, тем лучше, так как качественный материал будет сопротивляться процессу «ипотекизации».

— И Витины идеи могли бы стать примером архитектурно-пространственных условий, в которых формировался бы другой человеческий материал.

— И ты поехал к Марченко в надежде, что проект состоится?

Валера задумался:

— И да и нет. Витя мог себе позволить фантазировать, он хорошо приватизировался. И я тогда уже снова мог оторваться от семьи надолго. Летом восемьдесят восьмого на мини-игре, которую организовал Игорь Козорезов на Байкале, мы подводили итоги эмжековских научно-практических конференций, в том числе обсуждали предпринимательство и финансы применительно к МЖК. Витино понимание этих вопросов мне показалось наиболее конструктивным.

— А в четырнадцатом году в группе, которая разрабатывала концепцию новых молодёжных жилых комплексов, мы финансовые вопросы не обсуждали. Я имею в виду совещания в МЖК «Бутово» у Николая Пилипешина.

— Не обсуждали вместе, но я беседовал отдельно практически со всеми, и поэтому в документах, которые мы тогда приняли, есть раздел о вариантах финансирования из бюджета и через ипотеку. Вот я и поехал во Владик, чтобы спокойно проработать с Витей детали финансовой части. Но и строительный проект был интересен. Он вполне мог бы состояться... В единственном-то экземпляре почему нет?

— И как Марченко? Получилось плодотворно поработать? Я помню только твои рассказы про сплав по реке Бикин и про рыбалку, — усмехнулся Барин.

Закутний расплылся от воспоминаний:

— Да, это было незабываемое приключение. Приморская субтропическая тайга! Уникальное сочетание. Да, рыбалка удалась... А про источники финансирования строительства МЖК в современных условиях — не получилось. И про финансы вообще — не получилось.

— Что так?

— Не было уже той концептуальной смелости в суждениях и идеях, которая была в молодости. Общее интеллектуальное поле, как это было на оргдеятельностных играх, не зажигалось. А главное — Виктор перестал видеть странность и нелогичность мира, в котором один человек может сказать другому «ты мне должен», не дав ему ничего взамен.

— Ну как же «ничего взамен»? А деньги? Банк же деньги даёт.

— Именно в этом секрет фокуса. Как бы объяснить? Деньги — это пустота... Они наполняются ценностью только в воображении. Вот представь, ты — крестьянин. Всё хорошо, но в какой-то год не повезло: залётная саранча сожрала весь урожай на твоём наделе. Ты идёшь к старосте и просишь зерна: и до весны дожить, и для посева в следующем году. Он даёт. Но это, конечно, не староста даёт — он только распорядитель, — а мир, в смысле, община. Но с условием, чтобы ты вернул в полтора или два раза больше. Справедливо?

— Конечно! Даже в наших условиях при урожайности сам-три, сам-пять.

— Вот именно. Справедливо, потому что понятно, откуда берутся эти «сам-три, сам-пять» и в чём природа добавки. Если пренебречь деталями, отчётливо видно, что человек бросает зёрна в землю, а увеличивает их количество в разы — солнце.

— И прочие стихии.

— Да, хотя опять же, если пренебречь деталями, все стихии — производное от солнечной энергии. Община и ставит условие отдать больше, чем ссудила, потому что надо поддерживать страховые запасы. Это рациональная причина. А есть ещё иррациональная: твои «сам-три, сам-пять», по большому счёту, — не твои. Это дармовая энергия Солнца, преобразован-

ная в урожай злаковых на твоём поле, то есть на малом участке земли большой планеты Земля, которая тоже ничья конкретно.

— У кого-то из революционных классиков я встречал описание разговора крестьян с уполномоченным из центра по поводу того, что же теперь будет с землёй при коммунистах, если она Божья. По твоим словам, ссудные отношения вышли из, так сказать, натуральных?

— А ты разве не слышишь, как в слове «ссуда» пересыпается зерно? Не работал на колхозном току? — улыбнулся Валера.

— Нет, на току не работал, только на картошке. Да, похоже. — Сергей медленно протянул «с-суду» и улыбнулся: — В этом смысле, конечно, деньги — это пустота. И придумано множество способов приумножать пустоту, типа кредитного плеча. Но если, как ты говоришь, пренебречь деталями, то все эти способы просто жонглирование специально придуманными терминами, то есть абстракциями.

— То есть опять же — пустотой. К такого рода сущности относится и ипотека. На эту тему есть хрестоматийный одесский анекдот, как Иван у Абрама просил денег в долг под залог топора.

— Да, помню, — рассмеялся Сергей. — «Блин, и топора нет, и денег нет, и ещё должен остался, и всё же правильно...»

— Вот-вот. Неправильным был сам приход, а с момента прихода начинается апория, что в переводе с греческого означает «тупик». И я хотел совместно с Витей рассмотреть эту зону перехода более детально. Как бы тебе пояснить? Ситуация в этом анекдоте похожа на эффект неподвижности в каждый момент времени точек контакта дороги и движущегося колеса. Точки неподвижны, а движение есть, причём, если его нет, то вся конструкция разрушается, в смысле, велосипедист падает. Думал, что с Витей получится рассмотреть такого рода отношения людей поподробнее, под микроскопом, так сказать, но опоздал.

— В каком смысле? — не понял Сергей.

— В философическом, — улыбнулся Валера. — Витя двадцать пять лет адаптировался к капитализму. Он уже составил со своими банкирами какой-то симбиотический союз и даже думать не хотел на эту тему. Оказалось, что его всё устраивало. Практической необходимости уже не было, а теоретизировать ему было лень. Я несколько раз начинал разговор, он его подерживал...

Валера замолчал, задумавшись, и Сергей решил помочь вопросом:

— Из вежливости? А задора не было?

— Да, не было задора. Откуда ему взяться, если нет жизненной необходимости. Но вот прошло полтора года, конъюнктура изменилась, банковская часть этого симбионта стала откровенно питаться «Зелёными листьями». — Валера оживился. — Ну, думаю, теперь-то Витя заговорит об актуальном, жизнь же заставляет! Он же видит, что такая связь с банком его разоряет, не может же не видеть её противоестественности. И Витя соглашался с моими доводами, но не более. Анализировать свою ситуацию с обобщённой точки зрения, то есть в теоретической плоскости, он уже не хотел или не мог. Все силы уходили на решение оперативных задач.

— Что и требовалось системе... — отреагировал репликой Сергей.

— И мне пришлось возвращаться в Москву. — Валера мечтательно закрыл глаза. — Какой город красивый, с какими людьми замечательными познакомился. Кстати, все работники «Зелёных листьев» искренне старались помочь Виктору Васильевичу и в тяжёлой ситуации.

— Жаль, что не сложилось покопаться-поразбираться. Наши документы четырнадцатого года нуждаются в доработке. В них только вопросы, а нужны ответы или хотя бы направления поисков.

— Да, жаль... — Закутний продолжил воспоминания. — Но впечатления от дальневосточного этапа жизни остались самые положительные: и от людей, и от работы, и от города. Владивосток — красавец! Хочет быть Одессой, Парижем, Токио и Нью-Йорком одновременно! Как это истинно по-русски.

Сергей держал нить разговора крепко.

— Ладно, тезис про кубические метры принимается. Но ты обещал, что тезиса будет два.

— С последним — проще, потому что он состоялся по факту. Во времена расцвета МЖК наши организации были коллективным заказчиком на все жизненные процессы в малом социуме. И этот статус, хоть и не был формализован, но властью не оспаривался, даже поощрялся. Мы же программы социально-экономического развития разрабатывали?

— Разрабатывали... У всех крупных МЖК они точно были.

— В нашем МЖК Сергею Михайлову даже удалось фонд развития учредить! Предприятия-дольщики туда деньги перечисляли пару лет, но в девяносто третьем после расстрела Белого дома эта практика само-собой свернулась.

Сергей задумался на некоторое время.

— Хорошо, принимается и третий тезис про коллективного заказчика. Он вроде как очевидный, но настолько важный, что нужно выделить особо. Программа развития МЖК как признак возникновения самосознания коллектива по месту жительства.

— Именно! МЖК объединяет людей не по интересам, а по будущей жизни во всей её полноте. Поэтому МЖК в современных условиях невозможен как минимум по двум причинам. Во-первых, строительство методом МЖК не нуждается в посредничестве банков и девелоперов.

— Всё, этого достаточно! — засмеялся Сергей. — Одной этой причины хватит, причём с лихвой.

— Это верно! — улыбнулся и Валера. — Российский Жилищный кодекс приняли только в декабре две тысячи четвёртого года, а до этого действовал советский. С поправками, конечно, но тем не менее. Как стойкий оловянный солдатик, хранил остатки предыдущей цивилизации. Ну и мы в этом поучаствовали с программой господдержки строительства жилья для молодых семей, минуя банки.

Сергей мотнул головой, соглашаясь:

— Ну если уж в этих образах, то Кольцо Всевластия замкнулось только в девятнадцатом году, когда ввели эскроу-счета. А чтобы это восприняли как заботу, предварительно наплодили обманутых дольщиков.

— И сложилась система. Никто на неё покушаться не будет. Она всех устраивает.

Сергей рассмеялся:

— Нет такой системы, которая всех устраивает, и быть не может. Опасно тревожить тех, кого система устраивает. Так считают остальные и делают вид, что она их тоже устраивает. Но углубляться не будем. А вторая причина какая?

— Ха. Так это ж очевидно! Жизнь в форме МЖК могла бы прижиться в современной системе местного самоуправления, если определить коллектив по месту жительства, но кому это надо? Зачем органам государственной власти реальное местное самоуправление? — Валера улыбнулся. — Им и неорганизованные граждане только мешают работать. Шучу.

— Грустно это, Петрович! Неутешительные ты делаешь выводы, — улыбаясь, проговаривал эти слова Сергей. — Получается, мы по жизни занимались проработкой какого-то тупикового варианта развития социума.

— Если с точки зрения РФ, то — да. Молодёжные жилые комплексы сложившейся системе противопоказаны. Для СССР, если бы он продолжился в социалистическом русле, наши наработки были бы полезны. Таково моё личное мнение. МЖК — первичная ячейка социума, соответственно, МЖК — это социализм. Социализм же не советская власть плюс

электрификация всей страны, а просто власть советов. Если бы эксперимент «МЖК» продолжился, то следующим этапом было бы объединение самоуправления с самообслуживанием и элементами самообеспечения — и всё!

— Не всё! Ещё схема расселения. Как конкретного МЖК, так и системы комплексов.

Валера замахал руками.

— Конечно, ещё схема расселения. Хотя бы в масштабах одного комплекса. Топология жилища для семьи и архитектурного «вместилища» для мини-социума. Есть апробированные варианты: бараки, гетто, соцгородки, микрорайоны, человеиники. Это же разные типы инкубаторов социальности. По ним есть эмпирические наблюдения. Но доказанных закономерностей нет, кроме, пожалуй, одной: любой фешенебельный район может стать трущобами.

— Ты не веришь в возможность обратного хода событий? — шутливо всплеснул руками Баринов.

Закутний улыбнулся, но на шутку отвечать не стал.

— Кстати, современное законодательство о территориальном общественном самоуправлении предусматривает или собрания жителей, или конференцию делегатов. А какой критерий, знаешь?

— По-моему, численность ТОС, но не поручусь. За перепиской с трудом успеваю следить, а законы читаю только в форме справки по конкретному вопросу.

— Да, критерием является численность ТОС. Если она больше 300 человек, то конференция. Эта цифра примерно соответствует числу Данбара, кстати. Примерно на эту же цифру крупные МЖК вышли опытным путём уже в середине восьмидесятых, а Данбар написал свою книгу про приматов в девяностые. Нынешним ТОС не хватает подготовки будущих жителей к заселению, и будет почти калька с МЖК.

— Эх, в наше время была программа партии, были планы пятилеток.

— А в Китае и сейчас всё это имеется. И так же называется.

— Справедливости ради надо сказать, что у нас есть национальные цели до 2036 года и стратегия пространственного развития утверждена. Это я тебе как представитель федерального ведомства официально заявляю.

— Читал я, читал. Но МЖК там нет.

— МЖК там нет. Но есть ТОСы.

— ТОСы есть, но это мелко по сравнению с МЖК. Соотносятся примерно, как непилотируемая космонавтика в СССР и в РФ.

— Да и в пилотируемой такие же достижения...

Глава 17. 1980-е. Символ веры и знания

Пленарное заседание Пленума ЦК комсомола — второго по счёту после двадцатого съезда — открылось утром 7 декабря восемьдесят седьмого года в киноконцертном зале гостиницы «Орлёнок». После процедурных вопросов собрание перешло к докладу первого секретаря центрального комитета комсомола Виктора Мироненко о перестройке и инициативе комсомола «в условиях радикальной экономической реформы».

В зале не было кресел, полукруглые ряды были образованы мягкими диванами. Закутний поймал себя на мысли, что слушать выступающих с трибуны, пребывая в бесформенном состоянии, непривычно. Возникали ассоциации со сценами из фильмов о комсомольцах времён НЭПа, попавших по каким-то причинам в обстановку ресторанного загула. В такого рода эпизодах киношные комсомольцы вели себя скованно и иногда курьёзно. Но тут была полная инверсия режиссёрских реконструкций: в обстановке комсомольского собрания реализовался идеал коммерсантов-нэпманов — комфорт тела.

На удобных мягких диванах киноконцертного зала сидели последние комсомольцы — те, кто ещё имел представление о понятиях «классовая борьба», «комсомольское поручение», «светлое будущее всего человечества».

Молодые люди вне этого зала были первой стратой, отчётливо заявившей, что она не приемлет «борьбу» и «поручения», социалистический образ жизни, а также сложивших его партию, комсомол и советскую власть.

Молодое поколение не хотело идти во дворцы и клубы культуры, в кружки моделистов-конструкторов и фольклорные коллективы. Оно уже отчётливо обособилось от этих центров социализации, построенных и организованных специально для неё. Миллионы молодых душ предпочитали обитать в пространствах городских улиц, подворотен и лестничных площадок. Не все, конечно, но в статистически значимых количествах. Новая социологическая данность получила определение «неформальная».

Признаки молодёжных настроений, описанные в романе Стругацких «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» в образе Флоры, отчётливо появились в седьмом демографическом полупоколении, если вести отсчёт от 1900 года, когда родилась основная масса первых комсомольцев советской страны. Пассионарный импульс сменил свой знак на противоположный.

Тень неформального

Пленум передового отряда молодёжи не мог проигнорировать эти настроения в молодёжной среде, и в докладе Виктора Мироненко был целый раздел под названием «О так называемых „неформальных объединениях“ молодёжи»².

— Никакой альтернативы или конкуренции комсомолу объединения молодёжи по интересам не составляют нигде, кроме воспалённого воображения людей, утверждающих это, — убеждал присутствующих первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

«Для доклада нехарактерна такая раздражённая тональность, — удивился Закутний. — И непохоже, что кресло качается лично под Мироненко, скорее, почва уходит из-под комсомола вообще. И он это видит. Но объясняет неправильно. Неужели он не понимает, что у новой молодёжи и в мыслях нет конкурировать с комсомолом! Она его просто знать не хочет, как, впрочем, и любую другую организацию».

— Говоря о самостоятельных объединениях молодёжи, нельзя не остановиться на вопросе о том, почему инициатива юношей и девушек не реализуется в существующих общественных организациях и добровольных обществах, которых в стране насчитывается свыше ста? — обращался Мироненко к соратникам.

Мелькнула мысль: «Ну что тут непонятного? „Существующее“ обладает неустранимым для нормальной молодёжи недостатком, который заключается именно в том, что оно уже существует».

Рекомендации комсомольским начальникам разочаровали. Они были в высшей степени бессодержательны и бесполезны:

— Надо теснее координировать деятельность со всеми общественными организациями, добиваться, чтобы и в их работе учитывались интересы молодёжи.

В докладе было много проблем, «накопившихся за годы господства административно-командных методов руководства жизнью организаций», как и предлагаемых мер по их разрешению: демократизация выборов, гласность в работе, защита интересов и прав молодёжи, комсомольские стройки, НТТМ, МЖК и даже передача прав по использованию финансовых средств в организации, где формируются доходы.

Пленум шёл своим чередом, после доклада начались выступления. Ораторы сменяли друг друга на трибуне, на слушателей сыпались цифры, факты, предложения и даже поучительные истории.

Наступил вечер, заседание подходило к концу. Ведущая, секретарь ЦК комсомола Людмила Швецова, наклонилась к микрофону и объявила:

— Товарищи, поступило предложение заслушать два выступления и завершить прения.

Она выдержала положенную паузу и продолжила:

— Слово предоставляется Евгению Королёву, старшему инженеру научно-производственного объединения «Автоматика», председателю Совета коллектива МЖК «Комсомольский» города Свердловска. Приготовиться Сергею Дякину, первому секретарю Экибастузского горкома ЛКСМ Казахстана.

Страна стремительно летела в перестройку. Нельзя было не дать слово неформальному, но общепризнанному лидеру движения МЖК советской страны. Кроме того, Королёв был членом Свердловского обкома комсомола, и его должны были ввести в члены ЦК, поэтому выступление было необходимо в качестве предвыборной речи, адресованной избирателям.

² Цитаты из доклада Виктора Мироненко взяты из сборника «Документы и материалы II Пленума ЦК ВЛКСМ 7 декабря 1987 года». — М.: Молодая гвардия, 1987.

Через несколько лет, возвращаясь мыслями к этому пленуму, Закутний пришёл к простому выводу: все сказанные на пленуме слова уже не имели никакого практического значения. Самороспуск комсомола был запрограммирован, многие из членов президиума знали, что подготовка к нему была в разгаре.

Эмжековцы, приглашённые на пленум и, вероятно, большинство сидящих в зале думали, что у них есть общее будущее, продолжающее их общее прошлое. Будущее, конечно, наступило для всех, но оказалось для многих неожиданным, потому что логично вытекало не из прошлого большинства собравшихся в киноконцертном зале, а из прошлого какой-то другой группы людей.

Сила ситуативного

Приглашённые эмжековцы понимали, о чём станет говорить Королёв. Евгений был глубоко погружён в одну тему, постоянно думал и говорил об одном — о социальном эксперименте по «адаптации общинных форм общежития к микрорайонному типу формирования селитебных зон». Королёв и его команда ежедневно решали практические вопросы развивающейся городской территории и заполняющего её социума.

Эмжековцы понимали также, что Евгению будет непросто донести до комсомольского актива актуальные вопросы движения. Комсомольские вожаки, натасканные на обеспечении ударных строек и ССО молодой рабсилой, не имели представления о социальных проблемах места жительства. Кроме того, пленум подходил к концу, сознание слушателей в конце рабочего дня было забито мыслями предыдущих ораторов, которые, впрочем, легко уступали место собственным в связи с планированием вечернего времени: с кем и где.

Но Женя был настойчивым, а если требовалось, то и настырным, в любой ситуации двигался к цели, используя различные возможности донести своё видение до других. Он бы говорил, даже если бы в зале все спали. Вот и сейчас Королёв продолжал готовиться к своему выступлению. Напечатанной заготовки не было, был сложенный вчетверо лист бумаги, который пришлось примостить на колене, чтобы делать пометки. Диванный комфорт для работы неудобен, но Жене это не особо мешало.

Аудитория после объявления фамилии выступающего взбодрилась. Аппаратчики, которых в зале было большинство, прекрасно понимали, что МЖК состоялся благодаря поддержке ЦК ВЛКСМ, но генезис идеи и кадровое наполнение движения имели некомсомольскую природу. А какую именно — просто другую или чуждую, — им было непонятно.

До сих пор для контроля ситуации в этой самозародившейся молодёжной среде было достаточно низовых комитетов комсомола. Но движение бурно росло, и потребовались дополнительные институты. Летом 1987 года был создан Всесоюзный комсомольско-молодёжный центр (ВКМЦ) МЖК, который в сентябре заявил о себе организацией всесоюзного семинара—совещания.

Послушать лидера движения и почти основоположника МЖК было интересно. Свердловский МЖК «Комсомольский» и сам Королёв были на слуху не только у комсомола, но и у всей страны как пример молодёжной инициативы по выполнению программы партии «Жильё-2000».

Коммунистическая партия на своём XXVII съезде изменила целеполагание: «построение коммунизма» оптимизировалось до «совершенствования социализма», в рамках которого Горбачёв призвал обеспечить к 2000 году каждую семью квартирой или индивидуальным домом. Это было пожиже, чем «коммунизм к 1980 году» от Хрущёва, но так же нереально, однако партия взяла под козырёк, и СМИ пестрели реляциями о победах на очередном хозяйственном фронте.

Дополнительную пикантность королёвскому выступлению придавали бурные процессы в партийном «стакане воды», закончившиеся месяц назад освобождением Ельцина от должности первого секретаря Московского горкома компартии. Бледное выступление Ельцина на октябрьском пленуме ходило по рукам в нескольких брутальных редакциях, а в ноябре с Борисом Николаевичем произошло вообще что-то непонятное: то ли попытка суицида, то ли попытка его симуляции. А Ельцин поддерживал МЖК и в Свердловске, и в Москве, когда сменил Гришина. Поэтому всем было интересно, скажется ли ослабление аппаратного веса, можно сказать, крёстного отца МЖК на движении в целом.

Женя встал, когда предыдущий оратор заканчивал своё выступление, и не торопясь двинулся по широкому проходу к сцене. Евгению шёл тридцать седьмой год, и по возрасту он

принадлежал к сидящим в зале последним комсомольцам-функционерам, но по человеческой сути был неформалом в том смысле, в котором были неформалами первые комсомольцы, такие как Павка Корчагин из повести Николая Островского «Как закалялась сталь».

По проходу к трибуне шёл парень в тёмно-коричневом пиджаке, тёмно-вишнёвых штанах и кроссовках. Кроме нестандартного облачения внимание приковывали сама сухощавая, жилистая фигура заметно выше среднего роста, рельефное скуластое лицо аскета с аккуратными усами и бородкой от висков, большой лоб под выющимися прядями тёмных волос и большие, почти чёрные глаза под чётко выраженными надбровными дугами.

Королёв хорошо чувствовал аудиторию инстинктом прирождённого лидера и оратора. Женя осознавал эту свою способность и творчески к ней относился, дополняя вполне рациональными действиями. Вот и деталь с кроссовками, судя по его ответу на вопрос друзей после выступления, была сознательным штрихом к образу, который он водрузил на трибуну.

Ускорение движения

Первым делом Королёв попенял абстрактному «мы» на то, что бодрый рост количества молодёжных комплексов в стране может привести к потере идеи и смысла МЖК³:

— Товарищи! Когда мы сейчас говорим про молодёжный жилой комплекс, независимо от того, где он сейчас находится, в Москве или где-то на Дальнем Востоке, обычно звучат бодрые цифры квадратных метров, как здорово, как быстро мы их строим, может быть, не всегда качественно, зато быстро, как много этих молодёжных жилых комплексов у нас на сегодняшний день.

В докладе прозвучала цифра 300. ...говорят, что, может быть, даже 600, то есть никто не знает, сколько комплексов. С одной стороны, это здорово, конечно, их много, они растут. А с другой стороны — такое развитие начинает пугать. Это как в том мультфильме, когда длинный удав считал, что лучшие в попугаях мерить, потому что в попугаях он длиннее. То же самое здесь, чтобы мы в таком количестве, в таком броске не потеряли качественный смысл вообще, для чего молодёжный комплекс на сегодня существует.

³ Выступление Евгения Королёва на II Пленуме ЦК ВЛКСМ 7 декабря 1987 года цитируется по стенограмме (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 100. Д. 113).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.